

18+

Левон Адян
Отдаляющийся
берег. Роман-реквием

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082328

ISBN 9785449050182

Аннотация

«Отдаляющийся берег» – подлинная история, история любви двух молодых людей, юноши и девушки, которые случайно встретились на одном из перекрёстков огромного мира, не понимая, что вся их минувшая жизнь была подготовкой к этой встрече, и, увы, не подозревая, что ждет их впереди...

Отдаляющийся берег

Роман-реквием

Левон Адян

© Левон Адян, 2020

ISBN 978-5-4490-5018-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ОТДАЛЯЮЩИЙСЯ БЕРЕГ

(Роман_реквием)

Перевел с армянского автор

О, как печально видеть глаза птицы с перебитыми окровавленными крыльями, которая напрасно бьётся ими о камень, чтобы снова взмыть ввысь – к небу и солнцу.

Амастег.

Западноармянский писатель

В звонке секретарши не было ничего странного. Её манера говорить и задушевно, и при этом наступательно тоже была привычной. Но то, что произошло потом, по-настоящему

меня удивило.

– Сидишь себе как ни в чём не бывало дома, отдыхаешь и знать не знаешь, что к тебе пожаловал гость из Еревана.

– Любезная Арина, – с беззлобной иронией сказал я, полагая, что в эфире сейчас идёт передача, в отделе, кроме неё, ни души, вот она, скучая в одиночестве, и позвонила. – Прошу прощения, начисто позабыл доложить вам, что по устной договорённости с главным редактором я готовлю дома срочное сообщение. По всей вероятности, главный в свой черёд забыл предупредить вас об этом. Прошу покорно, будьте снисходительны, простите нас и примите искренние заверения в глубоком почтении.

Арина приходилась мне дальней родственницей по мужу. Года три назад летом явился в редакцию мой родственничек и начал с того, что женили они младшего сына на девушке из Карабаха, сноха оказалась хоть куда, хорошо печатает и в компьютере разбирается, но с армянским образованием здесь на работу не устроиться, коли можешь, дескать, помоги, с институтом у неё порядок, окончила в нынешнем году с золотой медалью. «Институтов с золотой медалью не заканчивают, – улыбнулся я, вполне, впрочем, добродушно. – Может, университет?» «Мне-то почём знать, может, и университет, – виновато согласился дальний родственник. – Я работаю, откуда мне про такие вещи знать?»

Я попросил главного редактора, возражать он не стал: «Ну, раз уж ты говоришь, не буду же я против». «Пусть

утром придёт, – сказал я, выйдя из кабинета шефа. – И пусть возьмёт документы».

Так Арина и очутилась в редакции армянских программ Госкомитета по радио и телевидению Азербайджана.

С первого своего дня в редакции стройная, с нежным, хорошеньким смуглым личиком и огненным блеском чёрных глаз Арина выказывала мне явную симпатию. Хотя это вообще не мешало с присущей ей горячностью и порывистостью потчевать меня пряностями из золотого фонда своего неисчерпаемого карабахского лексикона: ну ты и тип, где тебя вчера носило? Или: ты с кем это лясы точил, битый час дозвониться не могла.

– Что за гость? – спросил я, чувствуя, что Арина не одна, иначе вряд ли она молча проглотила бы мои беззлобные укольчики.

– Я же сказала – гость из Еревана, – прикидываясь обиженной, ответила она. – Ереван – это столица Армении.

– Молодец, – откликнулся я, – просветила. Передай ему трубку.

– Здравствуйте, Лео, – послышалось в телефоне после паузы. – Меня зовут Армен, Армен Арутюнян, я начинающий поэт. Привёз вам привет от Авика Исаакяна, внука великого нашего поэта Аветика Исаакяна, – скороговоркой протараторил незнакомый мне голос. – Видите ли, сегодня мне непременно надо вас повидать; это что-то вроде мечты, она должна исполниться, мне, Лео-джан, нужно встретиться-

ся с вами, у меня важный разговор, не телефонный, сами понимаете. По словам Авика, здесь, вдали от родины, ты, Лео-джан, чего уж тут скрывать, единственный, кто способен протянуть мне руку помощи. Могу я прямо сейчас зайти к тебе? Девушки в общих чертах объяснили мне, где твой дом. Замечательные девушки, между прочим, сама любезность и добропорядочность. Вы ведь живёте по соседству с иранским консульством, верно?

– Верно, – невольным эхом отозвался я, мало что поняв из его скороговорки. – Дом тридцать, второй подъезд, квартира шестнадцать.

Не прошло и четверти часа, как Армен позвонил в дверь. Улыбчивый, плечистый, он производил приятное впечатление.

– Вы впервые в Баку? – сказал я, чтобы хоть что-то сказать. Предложил ему присесть и принялся готовить кофе.

– Впервые, – кивнул Армен. Сесть он не сел, предпочёл пройти по моему жилью и внимательно его осмотреть. – Я здесь меньше недели, остановился у родственника в Баилове. В огромном городе живёшь, Лео-джан, замечательном, беспокойном, жизнь здесь ослепительная. Жить в большом городе – счастье. А море! Море, оно чего угодно стоит! Я прямо-таки влюбился в Баку, честное слово, полюбил его всем сердцем, и если дела мои пойдут на лад, я его сто лет буду помнить. Правильно сказал Маяковский, есть в нём

что-то такое, что тянет людей, притягивает. – Армен присел на краешек дивана, тут же поднялся и снова зашагал. – И ведь это был армянский город, Лео-джан, армянский, как и Тифлис в своё время. Слышал анекдот? – он остановился. – Армянский народ – хороший народ, говорит езид. Построили Тифлис – отдали грузинам, построили Баку – отдали азербайджанцам, достроят Ереван – нам отдадут, а сами уедут в Америку. Здорово, да? – он засмеялся. – Если Баку не был армянским городом, – продолжал он, – почему двадцать второго августа восемнадцатого года, то есть двадцать дней до погромов, ультиматум главкома турецкими войсками Мурсала и начальника германского генерального штаба Паракена был предъявлен именно Бакинскому Армянскому Национальному Совету об условиях сдачи Баку без боя? А, может, ультиматум преследовал иную цель – чтобы всю вину за преднамеренную резню взвалить именно на армян – жертвы этой вакханалии... – Армен задумчиво посмотрел на меня, добавил. – Я тебе вот что скажу, большевики нам много вреда причинили. Очень много! Если бы нам кто и мог протянуть руку помощи, Лео, то только февральская революция, но большевистский переворот сокрушил все надежды. Не зря Аветик Исаакян сказал, что ни иттихад, ни царизм, ни Германия с Антантой так основательно не разрушили наш дом, как большевики. – Армен умолк и какое-то время молча расхаживал по комнате. – Я говорил с твоим главным редактором, – неожиданно поменял он тему, – вроде бы неплохой

он парень, этот Владимир Абраамян, а, Лео? Он меня понял, но попросил переговорить с тобой. Ну, вот я и пришёл. Дело, Лео-джан, касается убийства.

Я в изумлении уставился на него:,, Что-что?,,.

– На почве ревности, – спокойно пояснил Армен. – Словом, чего мне скрывать, секретарь райкома нашего Вардениса положил глаз на мою жену. Она у него работала... Мне передали. Ну, а я решил покончить с ним. Такая вот проблема. Милиция, прокуратура, понятное дело, для секретаря райкома все они свои люди. Короче говоря, отец и мать бросились в ноги, просили, умоляли, чтоб я не делал этого, послали сюда, к родственникам, от греха подальше.

– А жена?

– Жена... – Армен нахмурился, покачал головой. – Что тебе сказать? Красивая она, чертовка, очень красивая.

Он глубоко вздохнул и снова покачал головой.

– Ах, Шогик, Шогик... Её я отвёз в Масис, ну, ты знаешь, близ Еревана, к родителям. Такие вот дела, брат... Я задержусь здесь месяцев на семь—восемь, за это время хотелось бы выпустить книгу, небольшой сборник стихов, рассчитываю в этом, Лео, на тебя. Понимаешь, мне нужна моральная поддержка. Хочу вернуться в Ереван с книжкой в руках. Верней, в Масис. А ещё организовал бы ты передачу по радио, это, думаю, нетрудно.

– Если стихи хорошие – без проблем.

– Прочешь?

– Прочти.

– Стихи посвящены Карабаху. Патриотические, так сказать, стихи, – сказал Армен и принялся с воодушевлением декламировать:

Чем край, в котором он растёт
нагорней, непокорней,
Чем дальше от своей родни,
тем он сильней, упорней,
Тем гуще ветви у него,
тем глубже, крепче корни,
Тем соком жизни он полней,
армянский тополь наш.
Чем горше дни его, ведь он
один на горной круче,
Чем больше бьют его дожди,
и молнии, и тучи,
Тем тянется упрямей ввысь,
красивый и могучий,
Тем выше он и зеленей,
армянский тополь наш.
Ввысь тянется из-под скалы,
стремится к небу рьяно,
Чтоб видным быть, чтоб слух о нём
дошёл до Еревана,
Мол, погляди, я был и есть

и буду постоянно,
Чтоб ни случилось, верь и знай,
армянский тополь ваш.

Он взглянул на меня. Таинственно улыбнулся.

Мой отец говорил об этих стихах – они не просто о тополе, нет, о карабахском тополе, тот, словно человек, целеустремлённый, упрямей и выше. Место у него тесное, со всех сторон его продолжают теснить, а он всё равно тянется вверх над ущельями и горами, чтобы разглядеть тополь, растущий в Араратской долине, и чтобы тополь Араратской долины заметил его – такой же армянский тополь из армянского Карабаха.

– Что скажешь?

В эту минуту я достал из серванта бутылку коньяка «Апшерон».

– Сам не пробовал, – уклончиво сказал я, не глядя на него. – Говорят, неплохой. Гейдар Алиев лишь «Апшерон» и пьёт, сам видел.

– Ну, ты даёшь, – усмехнулся Армен. – Я ведь о стихах.

Ситуация сложилась щекотливая. Помявшись, я сказал:

– Знаешь, в 59-м году, когда Сильва Капутикян приехала в Карабах, мой отец учился в десятом классе. По его словам, она как раз тогда и написала это стихотворение. Сама сказала про это на встрече со школьниками.

Мне показалось, Армен смутился. Но его замешательство длилось долю секунды.

– Ну и ну, – как ни в чём не бывало произнёс он. – Выходит, я затвердил наизусть чужие стихи. Знал, что ты коренной карабахец, оттого и прочёл. Карабахцы, скажу я тебе, сильный народ. Недаром Магда Нейман превозносит их до небес. Ты читал?

– Конечно.

– Говоришь, «Апшерон» неплохой коньяк? – Меня уже не удивляло, что он поминутно перепрыгивает с темы на тему. Он потёр ладони. – А ну налей, поглядим. Сталин тоже писал стихи. «Распустилась роза, нежно обняла фиалку, и жаворонок заливается под облаками».

На следующий день к концу работы Армен появился в редакции. Он был не один. С девушкой, увидав которую, я непроизвольно поднялся со стула и, замороженный поразительной её красотой, так и обмер на месте.

Армен заприметил это и тотчас воодушевился. Девушке было с виду лет семнадцать-восемнадцать, белое под стать белейшей её коже платье туго обтягивало тонкий стан. Золотистые с каштановым отливом блестящие волосы мелкими волнами падали на плечи, тонкие стрелы бровей, красивый нос с чувственными ноздрями, алые, живописно очерченные и слегка припухлые губы дополняли картину. Глаза же... синие её глаза по-весеннему нежно лучились, устремляясь то

на меня, то на Армена.

– Лавна чэ, шан агджикы?* – по-армянски сказал Армен.

– Лавикна**, – согласился я, всё ещё не в силах оторвать от неё глаз.

– Что он говорит? – девушка с улыбкой посмотрела на меня; особую прелесть придавал ей жемчужный ряд зубов, особенно же – два передних, как у Орнеллы Мути, едва приметной щербинкой.

Ответить я не успел. Армен подошёл ко мне и, приобняв за плечи, торжественно представил девушку:

– Махмудова Рена, студентка третьего курса медицинского института, первая красавица Баку.

Рена негромко рассмеялась и, сияя лучистыми своими глазами, протянула мне слабую руку. Я не хотел какое-то время выпускать её нежные холодные пальцы с перламутровыми ногтями и, не мигая, взирал на неё, словно стремился навсегда запечатлеть колдовскую прелесть этого светозарного лица с его девичьим, немного даже детским выражением.

– Да отпусти ты её руку, – рассмеялся Армен; он получал видимое удовольствие от эффекта, произведённого на меня девушкой.

Рена села напротив меня, по ту сторону стола, закинув ногу на ногу, как бы намеренно демонстрируя гладкие, будто выточенные как мрамор, колени.

– Садитесь, чего вы стоите? – певуче произнесла она, взглядом убеждая

подчиниться. Как будто, чтобы непринуждённо чувствовать себя в собственном кабинете, требуется чьё-то позволение либо понуждение.

Она откинула голову назад, волосы взметнулись и сызнова легли волнами на плечи.

– Ты не против, если я позвоню в Ереван? – спросил Армен и, не дожидаясь ответа, подтянул к себе телефон, достал из кармана записную книжку и положил на стол. – Смею надеяться, ваш теле-радио комитет не бедствует и государство не обанкротится от одного—двух моих звонков.

****Лавна чэ, шан агджикы? (арм.). -Хороша, нет, чертовка?**

****Лавикна. (арм.) – Хорошенькая.**

– Звони, о чём речь? – кивнул я и, чтобы не стеснять его, вышел из кабинета.

Шефа не было, должно быть, ушёл домой. Редактор отдела последних известий Лоранна Овакимян – лет около тридцати, высокая, стройная, совершенно не похожая на армянку, – склонившись над столом и упрямо сжав чувственные губы, редактировала текст. Сложением она смахивала на Мадонну, да и волосы у неё были рыжеваты, как у этой заокеанской звезды. Ходили слухи, будто прежний главный редактор, одно время без памяти в неё влюблённый, посвятил ей множество стихов.

Я как-то не вполне серьёзно поинтересовался, насколько правдива эта история. Лоранна не подтвердила, но и не опровергла слухов и со смехом

сказала: «Влюблённый старикан – одно из величайших недоразумений природы».

Теперь этот прежний главный редактор уже с месяц является к концу дня в угловую Аринину комнатку и, устроившись поудобней, диктует свои мемуары.

– Что это у тебя за девица? – не отрываясь от работы, издалека начала Арина.

Прежний шеф обернулся и, увидев меня в дверях, вежливо поприветствовал.

– Знакомая твоего задушевного друга Армена, – сказал я. – Ещё вопросы?

Арина выкатила на меня большущие чёрные глаза, но смолчала.

– Мне-то показалось, он эту девицу тебе привёл. – Она всё-таки не сдержалась и куснула меня.

– Да, есть у него такая мыслишка, – равнодушно подтвердил я. – Тебе она что, не по вкусу?

– Эффектная девушка, – вмешалась Лоранна. – Они до тебя зашли сюда, Армен сказал, что она азербайджанка, в медицинском учится. Редкая красавица, настоящая топ-модель. Я женщина и то диву далась. А ещё Фета вспомнила: «Есть ночи зимней блеск и сила, есть непорочная краса».

– Где этот изменник нации её выискал? – полюбопытство-

вала Арина и, встав из-за стола, подошла к нам. – Извините, Самвел Атанесович, я подустала, – бросила она через плечо. – Того гляди давление подскочит.

Лоранна прыснула – знала, только лишь Арине расхочется печатать, у неё тут же подскакивает давление. По спецзаказу.

– Ну, что на это скажешь, – уныло произнёс экс-главный. – В понедельник продолжим.

– В прошлый раз Армен интересную вещь сказал, – засмеялась Арина, – мужчины, дескать, любят глазами, а женщины ушами.

– А по-моему, – возразила Лоранна, – мужчины слушают ушами, а женщины – глазами. Те – чтобы понять, о чём им толкуют, а эти – чтобы понравиться всякому, с кем говорят.

– А ещё Армен сказал: если дышишь, значит, любишь, если любишь, значит, дышишь. Это очень верно, потому что без любви жизни нет и быть не может. У кого-то я прочла, ах да, у Блока: «Только влюблённый имеет право на звание человека». Армен говорит, будто в Индии, когда девушка выходит замуж, ей ставят на лбу красную метку. Правда?

– Правда, – подтвердил я. – А жениху дарят снайперскую винтовку – чтоб они вместе состарились, верные друг другу.

– Да ну тебя! – отмахнулась Арина, но в голосе у неё прозвучала нотка восторга. – Армен ещё говорит...

– Послушай, – прервал я её, – у тебя Армен с языка не сходит. Уж не ревнуешь ли? Вообще-то не ревнует тот, у кого не осталось надежды. Знаешь, из чего состоит ревность?

Из ущемлённого самолюбия и малой дольки любви в нём.

– Муж ревнует – стало быть, любит, а не ревнует – стало быть, ещё ничего не знает, – засмеялась Лоранна. Но Арина и бровью не повела, её занимал я.

– Самолюбие... Ну да, ревную, ты-то как догадался? – Глаза Арины яростно сверкнули, но она сдержалась, и в уголке рта заиграла сдавленная усмешка. – Между прочим, он меня приглашал в ресторан. – И повернулась к экс-главному: – Не надо думать о смерти, потому что бессмысленно думать о неизбежном. Бальзак сказал, что нужно стремиться к прекрасному. Так что думать надо о жизни, Самвел Атанесович, о хорошем и красивом.

– Это вам, Ариночка, положено думать о хорошем и красивом, – разъяснил экс. – Мы живём исключительно воспоминаниями, потому что, когда старость одолевает, не только лишаемся способности думать о хорошем и красивом, но и теряем на это надежду. Ты что, не читала моих стихов: «Ах, проводи меня до дому, почувствуй дрожь моей руки, тогда и ты поймёшь однажды, о чём тоскуют старики»? Так-то во-от, – тягуче произнёс он и, украдкой глядя на Лоранну, добавил: – Старики – всё равно что увядшие цветы, а кто ж их, увядшие цветы, любит?

– Что случилось, Самвел Атанесович? – спросил я. – Что за упадничество, что за пессимистические разговорчики?

– Не знаю, что и сказать, Лео, – бывший шеф снял очки в поблескивающей жёлтой оправе и принялся вытирать стёк-

ла. – Я тут просил совета у наших девушек... Понимаете, вот уже тридцать лет состою депутатом Верховного Совета республики, в последний раз меня даже членом Президиума сделали. Ясно, что как умру, меня похоронят в правительственном пантеоне. Но ведь жена-то моя похоронена на армянском кладбище, у стадиона. И на что ж это похоже – она там, я тут?

– Обратитесь в ЦК, пусть после вашей смерти её перенесут к вам, – посоветовала Лоранна.

– Да нет, – с сомнением произнёс экс. – По-вашему, они согласятся? – он вопросительно посмотрел на меня. – Это реально?

Наш внештатный переводчик Сагумян, деликатный старичок с короткой бородкой и тихим голосом, сидя за столом в глубине просторной комнаты, переводил официальный материал телеграфного агентства для вечернего выпуска радионовостей. Он оторвался от своих бумаг, на минутку перевёл взгляд на экс-главного и сокрушённо покачал головой.

А я никак не мог взять в толк, о чём, собственно, идёт речь.

– Или наоборот, – вмешалась Арина. – Пускай вас перенесут к ней. Только и это бесперспективно. Пантеон есть пантеон...

Лоранна зажала рот ладонью, чтобы не фыркнуть. Я укоризненно глянул на Арину: что ты мелешь!

– Ну, я пошёл, – сунув папку в авоську, сказал бывший. –

Заказал продукты в распределителе. Принесут, а меня нет, унесут обратно. – И, повернувшись ко мне, небрежно сказал: – Давненько, Лео, вы не даёте моих литературныхopusов. Ни по телевидению, ни по радио. Неужто уровень у меня ниже, чем у Кости Хачаняна, а ведь его-то стихи у вас не залёживаются. У меня есть кое-что новое, те, кому я это показывал, одобрили. Мне хотелось бы выступить. Если надо, поговорю с Владимиром.

– Не надо, – сказал я. – Занесите, дадим в конце месяца.

– Спасибо, – поблагодарил он, и в его голосе послышалось подобострастие. – А то ведь мои читатели подумают, что я умер.

Он попрощался и, помахивая авоськой, ушёл.

– Гляньте-ка, как он присмирел. Ну и притвора, – неприязненно прокомментировал этот диалог Сагумян. – Жизнь прожил, целую жизнь, а ни войны, ни тюрьмы, ни ссылки не видел, всё его миновало, не то что других. Всегда был обеспеченным, как сыр в масле катался. Страна рушится, а ему только бы перезахоронить жену в пантеон. А ведь она, между прочим, обыкновенным врачом была.

– Каждому своё, – с горькой иронией сказала Лоранна. – Нет у человека других забот. Дочь устроена в Ереване, сын в Москве, живут как у Христа за пазухой, о чём ему тревожиться. В магазинах хоть шаром покати, а ему всё готовенькое по заказу приносят. «Назовите-ка цифру – сколько наших часов, бесщётных и неисчислимых, улетели-канули

в простые и тяжкие времена по очередям и шествиям». Паруйр Севак, земля ему пухом. Вчера ради полкило сосисок простояла четыре часа.

– Зато республика что ни год перевыполняет планы и получает переходящее красное знамя. Чего же тогда в магазинах-то шаром покати? – съязвил из своего угла Сагумян, оторвавшись от перевода.

– В курсе ли ты, Арина, – обратился я к ней, – что сказал о тебе Цицерон?

– Обо мне? – она ткнула себя в грудь. – И что же?

– Он сказал – держи язык за зубами, коль скоро то, что ты собираешься сказать, не лучше молчания. Или что-то в этом роде. О чём ты толковала? Какие такие перспективы у покойника? Ты говоришь, а потом думаешь, или всё-таки наоборот?

– Ты о чём, я что-то не соображу. – В глазах смешинки, улыбка не сходит с лица, сверлит меня взглядом.

– О чём? Видишь ли, люди, помимо всего прочего, отличаются друг от друга ещё и тем, что некоторые сперва думают, а потом открывают рот, а другие несут без разбору, что в голову взбредёт. Ты себя к какому типу относишь?

Те же смешинки в глазах, та же улыбка в пол-лица.

– Опять не дошло?

– Нет. – Арина тряхнула головой, по-прежнему не сводя с меня глаз.

– Хотелось бы знать, что ты без конца печатаешь, из-за

чего тронулась умом?

– Воспоминания, – с готовностью ответила она. – Книгу воспоминаний о людях, которых Самвел Атанесович видел... и не видел.

– Обычно в книге воспоминаний автор описывает свои личные впечатления о встречах с каким-либо примечательным человеком, – бесстрастно сказал я. – А рассказывать о тех, кого никогда не видел, – это что-то новенькое.

– Новенькое, – раздражённо хмыкнула Арина. – Мне-то почём знать. Он пишет, я печатаю, вот и всё.

– Да нет, он пишет оттого, что ты печатаешь. Это твоя вина, – с серьёзным видом изрёк я. – Откажись ты печатать, он бросит писать.

– Бросит писать... Так что же выходит, оставим книгу на полуслове? – Арина растерянно смотрела на меня.

Лоранна сказала ей сквозь смех:

– Помолчи ради Бога, у меня сил нет смеяться.

– А что касается ресторана, то непременно сходи, – посоветовал я. – Не то парень обидится.

– Парень обидится. Уф... – состроила рожицу Арина. – Хорош родственничек, нечего сказать.

Изображая оскорблённую невинность и вонзая каблучки в паркет, она устремилась в свою комнату.

Я в приподнятом настроении вышел в коридор и направился к себе, с каким-то странным восторгом предвкушая, что сейчас увижу Рену.

Армен уже закончил говорить по телефону, положил трубку и сказал:

– Спасибо, Лео, я позвонил.

Рена просматривала газету, потом отложила её, на мгновение задержала взгляд на мне и неуверенно произнесла:

– Это правда, что у вас сегодня день рождения?

– У меня?

– Или он выдумал? – Рена подозрительно покосилась на Армена.

– Вот что, Рена, – медленно начал Армен, строя в мою сторону гримасы: мол, подыграй мне, но, видя, что из-за моего тугодумия либо несообразительности его затея пойдёт на смарку, решительно взял инициативу в свои руки и затараторил: – Видишь ли, милая Рена, дело в том, что у нас в Армении существует издавна почитаемая традиция – накануне дня рождения пойти в ресторан на так называемый пробный день рождения, ну, или, скажем, в кафе. Там за чашечкой кофе, стаканом коктейля или бокалом шампанского мы обсуждаем, как провести мероприятие, чтобы, так сказать, не нарушить давно укоренившийся в народе обычай. Моё предложение – следует соблюсти этот священный старинный обычай. У нас видят в нём едва ли не закон.

– Здесь ничего такого не существует, – простодушно сказала Рена.

– Здесь нет, а там да, – отрезал Армен и встал. – Словом, милая Рена, не будем терять время понапрасну и обижать

Лео, он, уж будь уверена, достоин хорошего к нему отношения. Идём в «Новый интурист», он вроде бы недалеко. Ну а что там пить, кофе или, к примеру, шампанское, разницы никакой.

Рена попыталась деликатно воспротивиться:

– Простите, прошу вас, я не могу... Вы ведь сказали, что мы поднимемся всего на две минуты. Вы попросили...

– Нет, нет, – продолжил ломать комедию Армен, – нельзя игнорировать старинный обычай братского народа. Нет, нет и нет, я обижусь, Рена-джан, честное слово, обижусь, Лео тоже обидится. Лучше бы позвонила кому-нибудь из своих подружек, но так, чтобы девушка была на славу и понравилась Лео. Ты говорила, что у тебя есть подружка-армянка, зовут её, помнится, Римма, твоя однокурсница. Красивая?

– Красивая. Только какое это имеет значение? Всё равно с незнакомыми ребятами она никуда не пойдёт. Я...

– Послушай, поначалу все друг с другом не знакомы, что за беда? – гнул своё Армен. – Твое дело позвонить. Если откажется наотрез, позвони другой подружке. Посидим, послушаем музыку, отвлечёмся на час—другой от будничной суеты. Тем более, впереди суббота и воскресенье. Я, по-твоему, не прав? Если не прав, так и скажи. Позвони, Рена, старших надо слушаться. Лео, дай сюда телефон. О расходах не беспокойтесь, всё беру на себя. Приглашаю вас.

У Рены были в эту минуту беспомощные глаза.

– Прекрати, Армен, не надо никуда звонить, – внезапно

вырвалось у меня. – Мне не хочется.

– Вот те на! Чего тебе не хочется? В ресторан идти? Не понял, – напирал на меня Армен. – Ты что, не губи дело! – воскликнул он по-армянски. – При таком друге, как ты, и враги ни к чему. Не слушай его, Рена, звони.

– Повторяю, Рена, не надо никуда звонить. – на сей раз уверенно, без колебаний сказал я. – Мне, даю слово, никто не нужен. – Я чуть было не добавил: кроме тебя, но, слава Богу, сдержался.

Рена словно бы прочитала мои мысли, в её синих глазах блеснул озорной лучик.

– Ну, стало быть, пойдём втроём, – тут же решил неуступчивый Армен.

Ровно через полчаса он уже провозглашал тост:

– По-моему, не правы те, кто грустит от мысли, что через сто лет их не будет. Это то же самое, что плакать и стелать от мысли, что тебя не было сто лет назад. А вот что говорит по этому поводу Омар Хайям: «Пока мира не открыли двери, он вовсе не испытывал потери. Ну а не станет нас, то и тогда не обеднеет мир по крайней мере». Главное – нынешний, текущий день, а посему давайте выпьем за день, который мы сию минуту проживаем, за эту самую минуту, когда мы сидим здесь и вместе радуемся. На высоком утёсе были высечены письма. Богатые, читая их, плакали от горя, бедняки радовались, а влюблённые воздава-

ли должное каждому совместно проведённому мгновению. Между тем на высоком утёсе была высечена простая и ясная фраза: всё это временно. В жизни, конечно же, сладостных дней будет немало, невозможно, чтоб их не было вовсе, пусть же в ряд этих счастливых дней попадёт и этот – день нашего знакомства. Хороший день, честное слово. Твоё здоровье, Рена-джан, будь всегда такой красивой и желанной. И за тебя, Лео-джан, и за меня, и за этот день, и за этот миг.

Весь второй этаж «Нового интуриста» занимали рестораны, уставленные зеркалами, устланные и увешанные коврами с восточным орнаментом, изукрашенные сценками из сказок. Собственно, они, эти рестораны, соответствующим образом и назывались: «Ковровый», «Восточный», «Зеркальный», «Хрустальный».

Мы сидели в «Восточном», который находился в правом крыле гостиничного здания, чьи высокие и широкие окна смотрели на море. Морские волны играли под вечерним солнцем.

Повсюду звучала музыка, по большей части турецкая, которая за последние два года стала массовой. Изо всех уголков города от приморского парка до дальних предместий доносились голоса турецких певцов Якуба Зуруфчи, Тезджан, Седен Гюлер, Таркан...

Оркестранты переключились на танцевальную мелодию: «Хау ду ю ду, мистер Браун, хау ду ю, ду ю, ду...»

– Это справедливо, Лео? – прикуривая от зажигалки, Ар-

мен повернулся в кресле. – Мы вдвоём сидим с одной девушкой, а вон там, – он кивнул на компанию в двух—трёх столах от нас, – там целый девичий цветник, и с ними двое мужчин. Надо бы одну из этих девушек пригласить к нам. Посмотри, какая хорошенькая брюнетка танцует. Если нравится, я мигом приглашу её за наш столик.

По круглой танцплощадке в бурно льющемся из прожекторов потоке света всех цветов радуги кружились парочки. Особо привлекала внимание одна из них – полноватый парень и стройная брюнетка. Танцевали они самозабвенно и порознь, не касаясь один другого, но не отрывая друг от друга взглядов; улыбка не сходила с их лиц.

Мелодия оборвалась, однако, едва парочки разошлись, грянула новая.

– Спрашиваю последний раз, Лео, потом пожалеешь.

Рена пригубила шампанское и выжидательно посмотрела на меня.

– Я-то при чём? Тебе надо, ты и приглашай.

Армен вскочил с места и, огибая столы, направился через весь зал.

– Одиссей двинулся завоёвывать Трою, – пошутила Рена.

Спустя минуту брюнетка уже танцевала с Арменом. Он, должно быть, говорил ей что-то забавное, потому что она без удержу смеялась, иногда склоняя голову к его плечу.

– Я хотела бы позвонить домой, – сказала Рена, слегка подавшись вперёд. – Интересно, телефон-автомат здесь есть? –

Её лицо выразило озабоченность. – Наши могут забеспокоиться.

Я достал из-за пояса радиотелефон, ещё не вошедший в широкий обиход, включил и протянул ей, про себя радуясь, ибо домашний её номер останется в механической памяти. Избавленная от необходимости искать, откуда позвонить, Рена с благодарностью взглянула на меня. Взяла трубку, стала нажимать кнопку за кнопкой. Подождала, пока на другом конце провода откликнутся, и заговорила. Музыка заглушила её голос, и я видел только, как время от времени на красивых её губах расцветала улыбка.

Рена закончила разговор и, в хорошем расположении духа возвращая телефон, произнесла:

– Спасибо. Я предупредила, что немного задержусь. Они уже начали беспокоиться.

Музыка затихла. Приобняв девушку за обнажённые плечи и лавируя между столиков, Армен приближался к нам.

– Нет, это не Одиссей, – со смехом сказал я Рене, – а сын царя Трои Парис. Он похитил Елену и везёт её из Спарты в родные пенаты. И если тот вон увалень – Менелай, муж Елены, то наша погибель неминуема.

Прямо перед этим Армен с брюнеткой, явно подвыпившей и оттого раскрасневшейся, подошли к нашему столику.

– А не начнётся ли у нас война ахейцев с троянцами? – спросил я.

– Какая война? – не понял Армен.

– Ты хотя бы поинтересовался, она одна или с мужем?

– Нашёл труса, – хмыкнул в ответ Армен и показал мне большой палец, мол, всё в ажуре. – Знакомьтесь, Маргарита Войтенко, – представил он девушку. – Знали б вы, через какие препятствия я прошёл, одолевая непреклонность очаровательной Маргариты. Ни за что не соглашалась присоединиться к нам. Нет, нет и снова нет.

– Неправда, – замотала головой новая знакомая. – Вздор. Я по доброй воле и в охотку пришла к вам. И, глядя на ваш стол, вижу, что вовсе не ошиблась. – Она рассмеялась и протянула руку сперва мне, затем Рене. – Боже мой, глаза разбегаются: чёрная икра, красная икра, шашлык, цыплёнок табака, ананас... Пир горой, роскошь! ОБХСС не боитесь? Вы что, иностранцы, не слышали про наши временные трудности? Быстренько усади меня, Армен, я чего доброго упаду в обморок.

Мы посмеялись.

– Минутку, Маргарита-джан, минутку. – Армен бесцеремонно пихнул меня коленом. – Подвинься, – пояснил он по-армянски, – для тебя же стараюсь.

– И напрасно, было же сказано.

– Ну-ка, ну-ка, – внезапно перешла на армянский Маргарита. – Я для вас что, товар на продажу?

Рена с недоумением взирала на нас, не понимая, что происходит, а мы с Арменом попросту оторопели.

– Прости великодушно, Маргарита, – принялся забалты-

вать девушку Армен, – мне и в голову не пришло, что ты армянка и знаешь язык.

– Не было повода раскрываться, – пожалала плечами девушка. – У человека был сын, от рождения немой. Отец, понятно, горевал из-за этого. Пошли они как-то в лес по дрова. Рубит отец дерево, на шаг отступит посмотреть, куда оно рухнет, и снова рубит. И вдруг слышит истошный вопль мальчонки: «Папа, берегись!» Отскакивает, окидывает взглядом упавший бук и растерянно спрашивает: «Отчего же ты до сих пор не говорил, коли можешь?» «Повода не было», – отвечает сын. И у меня повода не было, – развела руками Маргарита. «Ты армянин, армянка я, и да продлится жизнь твоя», – пропела она, ухватив Армена за локоть. – Ты меня сюда пригласил, значит, я с тобой рядом и сяду. – Лео, – распорядилась она, – пересядь, пожалуйста. Надеюсь, ты не против? – и она подняла глаза на Армена.

– Разумеется, – с готовностью согласился Армен, не видя другого выхода. – Мы же веселимся, а не конфликтуем. Лео, дорогой, пересядь к Рене. Коли Маргарита повелевает, наше дело подчиняться. – И он покорно наклонил голову. – Огонь, а не девушка. Я армянин, армянка ты, бокалы наши налиты. Лео пьёт коньяк, Рена шампанское, я водку. А ты, душа моя, что предпочитаешь?

– А мне всё по вкусу, не знаю, на чём и выбор остановить, – задумалась Маргарита. – Ладно, налей водки.

– Водки так водки.

Я сел по соседству с Реной, на место, которое занимал Армен. Официантка переставила наши с ним приборы, принесла что нужно новой нашей даме. Я порадовался неожиданной этой рокировке и с благодарностью тайком подмигнул Маргарите, а плутовка сразу смекнула, в чём дело, и протянула мне ладонь – мол, хлопни по ней в знак взаимопонимания.

Мы не спеша вкушали ресторанные яства, перемежая их шутками-прибаутками.

– Женщины зависят от мужчин, от их с нами обращения, – сказала Маргарита. – Но коль скоро женщина независима по натуре и уверена в себе, то ей нужен не просто надёжный и успешный спутник, а тот, кого она сама для себя выберет. Именно так, а не наоборот.

Армен торжественно поднял бокал.

– Итак, ветер и солнце поспорили, кто легче разденет женщину. Ветер принимается что есть мочи дуть, а та знай кушается в одежду. Но вот восходит солнце, сияющими своими лучами разогревает небо и землю, и женщина, не в силах противиться зною, снимает платье. Солнцу приносит победу тепло. Предлагаю последовать его примеру. Выпьем же за здоровье наших милых Рены и Маргариты и за наше с Лео тёплое к ним отношение.

– Прекрасный тост, – одобрила Маргарита. – Развивая же свою мысль, добавлю, что неизменно чувствовала себя свободной, у меня во всех ситуациях есть своё мнение и соб-

ственный взгляд на вещи. Кстати, знаете, почему Бог создал нас, женщин, сколь обольстительными, столь и глупыми? – она кокетливо указала на Рену и себя. – обольстительными, чтобы вы нас любили, ну а глупыми, чтобы мы любили вас. Одним словом, так и быть, выпьем в моём и Рены лице за женскую красоту, а ещё – за вашу неисчерпаемую щедрость. А насчёт того, чтобы раздеться, то я вовсе не против. Готова прямо сейчас.

Армен захлопал в ладоши.

– Выпьемте за тех мужчин, которые пьют за нас и в наше отсутствие, – несмело произнесла Рена, бросив на меня пронзительный и, как мне почудилось, ласковый взгляд. – Нет, – поправилась она, – выпьемте за тех мужчин, которые и без нас выпьют за нас. Ах, нет, нет, – она с изяществом покачала головой, снова бросила на меня мимолётный взгляд, покраснелась, обворожительно смешалась. – Выпьемте за тех мужчин, которые мысленно пьют за нас.

Оркестр заиграл новую мелодию: «Грустной песней своей я красавицу не разбуду, сладкий сон её не потревожу...». Медленное танго. Дамы приглашают кавалеров. Маргарита потянула Армена на танцплощадку.

Рена подняла на меня глаза, небрежно откинула волосы с широкого красивого лба.

– Пойдёмте. – Она ласково вложила руку в мою ладонь. Я сжал её пальцы, и мы рука об руку встали из-за стола.

Я не мог оторвать от неё взгляда. Рена временами смущённо улыбалась, отводя глаза. Обнимая правой рукой её талию, я чувствовал тепло хрупкого девичьего тела, прекрасные волосы Рены касались моего лица, и всё это вместе – телесное тепло, запах волос, ослепительная белизна кожи, тонкий аромат духов «Клима» – напрочь выводило меня из равновесия. Я чувствовал также, как благоухала белая кожа; одна её рука лежала у меня на плече, нежные пальцы другой нерешительно подёргивались в моей ладони с испугом бьющейся о стены робкой птахи.

И снова мы сидели за столом, и снова гремела музыка, одна мелодия практически без перерыва сменяла другую, и мы снова и снова танцевали; Маргарита понесла угощение – выпивку и фрукты – от нашего столика к столику своих подружек и снова вернулась к нам. Немного погодя она шепнула что-то на ухо Рены, и они вместе направились в коридор.

– Эта Маргарита – просто тронутая, – после их ухода сказал Армен. – Преподаёт в школе естествознание, они тут с подружками день рождения празднуют. Муж у неё украинец, работает в море, буровик на Нефтяных Камнях, депутат, пятнадцать дней он дома, пятнадцать в море. Так она приглашает меня к себе, каково? Всё-таки это здорово – жить в большом городе.

В проёме зеркальных дверей одновременно появились Рена и Маргарита. Рена шла впереди – высокая, красивая,

улыбчивая.

– Ты только посмотри, Лео, какой взгляд, как сложена, что за ноги, – сказал Армен. – Чудо да и только! А характер... Доверчивое дитя, будто и не городская девушка вовсе.

– Извините меня, пожалуйста, мне пора, – вернувшись и присев, произнесла Рена; с виноватым видом переводя взгляд с меня на Армена. – Уже поздно. Спасибо вам большое, но наши беспокоятся...

– Потерпи минутку, Рена-джан. Мы с Лео выпьем на пошок и пойдём, – не дал ей закончить фразу Армен. Рюмки были полны, и он поднял свою: – Нынче мы собрались вместе первый и, Бог даст, не последний раз. Подними рюмку, Маргарита.

– Я не могу больше пить, – качнувшись, Маргарита прислонилась Армену к плечу. – Пётр Первый сказал, что не можно пить мало водки, но и много тоже не можно. Так что я пас, больше ни капли. Но к тому, что сказала раньше, добавлю. Есть всё-таки один мужчина, по крайней мере сегодня, от которого я чувствую себя в полной зависимости. И я безумно этому рада. Скажу вам по секрету, что мужчина этот Армен, и я обещаю до завтрашнего дня хранить ему безоговорочную верность. Благодарю вас за компанию, приятно было с вами познакомиться. Вечер выдался незабываемый, но, как ни жаль, пить я больше – ни-ни.

Мы выпили. Маргарита послала всем на прощанье воздушный поцелуй и, напоказ покачивая бёдрами, направи-

лась к подругам.

– Я тоже вам благодарна. Вечер и правда был чудесный, – смущённо сказала Рена. – Надеюсь, на день рождения Лео вы меня тоже пригласите, – она посмотрела на меня, и меж её охваченных багрянцем губ, блеснули зубы. – Могу я на это надеяться, или вы забудете?

– Ну, чтобы не забыть, договоримся сию минуту, – предложил я. – Завтра к четырём я жду звонка Армена. Приглашаю вас в ресторан «Гюлистан». Вы бывали там?

– Нет.

– Новый ресторан. Шикарный, со многими залами. Армен, надо думать, не был там тоже.

– Не был, – подтвердил Армен, закуривая.

К нашему столику подошёл крупный, с большим животом человек в чёрном костюме.

– У вас всё хорошо? – любезно осведомился он. – Мы стараемся выложиться, только бы угодить нашим гостям.

– Выпей с нами, Рауф Алиевич. Коньяку или водки?

– Ни то, ни другое. – Мужчина скрестил на груди руки. – Спасибо, никак не могу. На работе ни капли, это закон.

– Рауф Алиевич метрдотель, – пояснил Армен и представил нас.

– Очень приятно, – вежливо склонил голову метрдотель. – Посмотрите, ни одного свободного места. И так постоянно. Но для вас, имейте в виду, местечко всегда найдётся. Милости просим.

Не дожидаясь, пока Армен рассчитается, мы вдвоём с Реной спустились на первый этаж и вышли на улицу, освещённую яркими неоновыми огнями.

На выстроившихся друг за другом такси горели зелёные лампочки.

Чуть поодаль за прибрежным парком виднелось море; оно переливалось, куда ни глянь, отсветами луны и звёзд. Громкоговорители приглашали на прогулку, кружилась карусель, детские смех и возгласы сносило вдаль ветром, они, тем не менее, возвращались и слышались отчётливо, совсем рядом.

– Вам случайно не холодно? – я потянулся снять пиджак. Рена благодарно покачала головой.

– Нет, нет, спасибо, – сказала она, провожая взглядом прогулочный катер, направлявшийся к острову Наргин; оттуда доносилась музыка, и порывы ветра то заглушали её, то приближали.

Столпившиеся у машин таксисты с явным интересом уставились на Рену. Мне это не понравилось, и, взяв девушку под руку, я подвёл её к первой в очереди машине и открыл дверцу.

– Довезём в целости и сохранности до самого дома. – Усадил её на заднее сиденье, сам сел рядом с водителем.

– Нет, это ни к чему, – возразила Рена, коснувшись моего плеча. – Брат обычно встречает меня на остановке. Пожалуйста, лучше до метро.

Водитель уже сидел за рулём. Я попросил его чуточку по-временить. Армен торопливо сбегал по лестнице.

Возле станции метро рядом с горсоветом мы проводили Рену до вестибюля, ещё раз договорились, что завтра Армен позвонит Рене и мне, и мы вместе пойдём в «Гюлистан». Рена зашла в метро, у эскалатора обернулась и помахала нам на прощанье рукой.

Армен остановил такси.

– Эта тронутая ждёт меня дома, – доложил он. – Продиктовала мне адрес и номер телефона. Предупредила, если, мол, опоздаешь, я повешусь.

– Ступай, – засмеялся я. – И прихвати на всякий случай верёвку. Вдруг опоздаешь, а у неё своей не найдётся.

Армен открыл дверцу такси.

– Садись, подвезу.

– Да мне тут два шага. Лучше пешочком. До завтра.

Машина тронулась, но, не проехав и ста метров, остановилась и с включёнными красными огоньками сзади покатила вспять.

– Не займёшь мне денег, – сказал Армен, выйдя из машины, – рублей пятнадцать—двадцать?

– Конечно.

Машина снова сорвалась с места, и я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

Я пересёк проспект и зашагал в сторону дома. Шёл медленно, и сердце усиленно билось от чего-то смутного, неуло-

вимого, но влекущего. Что это, не поддавалось ни сколько-нибудь внятно воспринять, ни тем паче определить, однако ж я чувствовал – от этого неведомого и неопределённого мир окрест меня тысячекратно в моих глазах увеличился, случившееся давеча – стало в тысячу крат знаменательней. Рядом со мной проходили парочки, погружённые в себя, я не смотрел на них, но в лёгком своём опьянении полагал, что они непременно счастливы, ну а коли нет, я сам искренне желал им испытать счастье, ибо переживал в эту минуту ту лёгкость и благодать, которую, должно быть, и величают счастьем. Что со мной творилось? Я ни на миг не забывал о Рене, видел перед собой её лицо, губы, глаза, слышал тончайшие модуляции её голоса, прелестную шею, от которой, как от едва-едва распускающейся розы, тянуло благоуханьем. Боже ж ты мой, неужели я так вот сразу взял и влюбился? Сам себе дивясь, я несколько натужно иронизировал над собой. И было из-за чего. Ведь ещё утром я знать не знал о существовании этой девушки, теперь же одна лишь мысль о ней доставляла мне ни с чем не сравнимую радость. Хотелось взять себя в руки, прогнать прочь эти выбивающие почву из-под ног мысли, занять ум чем-нибудь иным. Однако не получалось. Я завидовал Армену, но без особого надрыва, просто жалел, что не мне, а ему повезло познакомиться со столь удивительной девушкой. Надо выкинуть её из головы, приказывал я себе, выкинуть, и всё тут, это ведь, как ни крути, не очень-то прилично: неотступно думать о той, на кого,

судя по всему, Армен имел самые серьёзные виды; к слову сказать, это ведь он и привёл её ко мне. Но ни по дороге, ни дома никакая другая мысль просто не лезла в голову, я сызнова видел перед собой Рену. И, вспоминая, какова она, нервничал и сходил с ума, как юнец. Этот её застенчивый и внимательный взгляд, и влажный блеск зубов сквозь полуоткрытые губы дивной лепки, и обжигающее прикосновение холодных пальцев... Одним словом, голова шла кругом. Под звуки классической музыки приятно было думать и вспоминать, вспоминать и думать. И ночью, во сне, я снова был с Реной, с увлечением обнимал её, лепетал что-то насчёт единственной и неповторимой любви, целовал и не верил этому, подсознательно чувствуя и отдавая себе отчёт, что дело-то происходит отнюдь не наяву, а наяву такое вряд ли произойдёт. И всё равно, дух у меня перехватывало мальчишеским упоением и восторгом.

Меня разбудил телефонный звонок. Под впечатлением сна я ринулся к аппарату, почему-то вообразив, что это Рена. Но звонила вовсе не Рена, а мать из Сумгаита. И меня пронзило чувство острого стыда, поскольку моё воодушевление погасло, как огонь на ветру. Мама беспокоилась из-за того, что вечером я вопреки договорённости не поехал домой и что до меня понапрасну пыталась дозвониться сестра

из Ставрополя.

Я объяснил, что принимал гостя из Еревана, и пообещал непременно появиться в пятницу.

Умылся, обошёлся лёгким завтраком и принялся готовиться к вечерней встрече. Как девица, вертелся перед зеркалом, меняя наряды и подбирая галстук. В конце концов остановился на чёрном костюме, голубой рубашке и бежевом с фиолетовым отливом галстуке. Из одеколонов предпочёл «Дракар», подаренный мне в ознаменование 23 февраля Ариной и пришедшийся как нельзя более впору.

В полдень позвонил Армен.

– Ну как ты? – осведомился я. – Маргарита не повесилась?

– Ещё как повесилась, – ответил Армен. – Аж до утра провисела у меня на шее. Дело вот в чём. Я пошёл за билетами в кино, да надел не те брюки, деньги остались дома. Только сейчас обнаружил. Не знаю, как и быть. Надумал, пока суд да дело, сходить с Реной в кино.

– Зайди, что-нибудь придумаем, – сказал я. Должно быть, он вчера здорово поиздержался, мелькнуло у меня в голове. – Адрес не забыл?

– Да ты что! – бодро сказал он. – Шутишь?

– Вот и славно. Заходи, выпьем кофе.

Армен пришёл через полчаса.

– Двадцати пяти рублей достаточно?

– Более чем, – ответил он. – Спасибо, Лео-джан, выручил.

Ты настоящий друг. Я этого не забуду.

Он побрился, мы выпили кофе. Проводив Армена, я бес­покойно рас­ска­живал, то и де­ло по­гля­ды­вал на ча­сы. А вре­мя, как на зло, дви­галось впе­рёд мед­лен­но-мед­лен­но. Что­бы скоротать хотя бы час, я по­про­бо­вал за­нять­ся чте­ни­ем, но из этой за­теи ни­че­го пут­но­го не вы­шло, один и тот же аб­зац я пе­ре­чи­ты­вал по не­сколь­ку раз и ма­ло что по­ни­мал. Мыс­ли бы­ли неот­луч­но за­няты Ре­ной.

За­звонил те­ле­фон. На­ко­нец-то! Сердце за­би­лось учащён­но. Вол­ну­ясь, я под­нял тру­бку.

– Алло.

– Здрав­ст­вуй­те, Лео, это вы?

Го­лос не­зна­ко­мый.

– Здрав­ст­вуй­те. Да, я.

– С ва­ми го­во­рит Рауф Али­е­вич из «Но­во­го ин­ту­ри­ста». У вас всё бла­го­по­луч­но?

– Бла­го­да­рю. Вче­ра всё бы­ло за­ме­ча­тель­но, ве­чер уда­лся.

– Очень рад. Мы ста­ра­ем­ся вся­че­ски угодить го­стям. При­хо­дите ещё. Но ви­дите ли... – Он за­мялся, по­том вы­па­лил: – Вы вче­ра ушли, не рас­пла­тив­шись...

– То есть как? – обом­лел я. – Быть это­го не может.

– Мы дол­го ду­ма­ли... хо­тели да­же са­ми ски­нуть­ся, но сум­ма слиш­ком уж ве­лика. Са­ми по­ни­ма­ете, три­ста руб­лей...

По­сле­до­ва­ла дол­гая пау­за. Я слов не на­хо­дил от изум­ле­ния, со­бе­сед­ник же тер­пе­ливо до­жи­дал­ся мо­е­го от­ве­та.

– До ко­то­ро­го ча­са вы про­буде­те на ра­бо­те? – на­ко­нец

спросил я, всё ещё не в силах переварить услышанное.

– Вы могли бы прийти завтра?

– Да, конечно.

– Приходите, пожалуйста, часам к пяти—шести, я буду вас ждать.

Это было странно, чрезвычайно странно. Не лезло ни в какие рамки. Я помнил, Армен несколько раз отлучался, пропал из зала. Может, он договорился с кем-то, а этот кто-то запаздывал? Как бы то ни было, в голове новость не укладывалась. Это ведь Армен зазывал нас, а мы отнекивались, а не наоборот. Это ведь он специально ходил, чтобы рассчитаться, а мы с Реной поджидали его внизу. И потом... откуда метрдотель узнал номер моего телефона? Неужели позвонил в комитет? В мозгу, не давая по-настоящему опомниться, мелькали самые разношёрстные мысли.

Около четырёх дня снова позвонил Армен. Я ни словом не обмолвился про звонок Рауфа Алиевича; сослался на неотложное дело и предупредил, что наша с ним встреча не состоится.

– Значит, завтра? – спросил Армен.

– Завтра, – сказал я и положил трубку.

Но завтра Армен не позвонил. Те же разношёрстные мысли сызнова не давали мне покоя. Я вспомнил, что телефон Рены у меня зафиксирован. Да, вот он – 92-69-98. Я неуверенно набрал 9, 2, 6, 9 и мгновенье поколебался, набирать ли последнюю цифру. Сердце отчаянно колотилось. Наконец

я набрал-таки заключительную восьмёрку. На той стороне провода трубку сразу же сняли.

– Алло.

– Алло, – нетвёрдо выговорил я.

– Здравствуйте, Лео, – произнёс грудной мелодичный голос.

Странная штука, раз уж тебе нравится человек, то и голос его тоже нравится. Слава Богу, она узнала меня, и вообще впечатление такое, будто она ждала моего звонка. Как же мало нужно человеку для счастья – эта довольно банальная мудрость оказалась абсолютно справедливой. Я в мгновение ока забыл Армена, ресторанный долг и вообще всю эту невразумительную историю.

– Здравствуйте, Рена. – Как и в пятницу в редакции, я непроизвольно поднялся на ноги. – Как поживаете?

– Хорошо. А вы?

– Благодарю. У меня тоже всё хорошо. Рена, я хотел бы повидаться с вами по важному делу. Это возможно?

– Ну конечно. Где и когда?

– У метро «Баксовет». В пять.

– Договорились. В пять я буду.

– Спасибо.

Минуты две я ходил по комнате с телефоном в руке, мне чудилось, он ещё хранит дыхание и голос Рены. Что ни говори, у девушки, которую любишь, самый сладостный голосок из всех существующих. Так что же выходит, я её люблю?

На Рене была бирюзового цвета блузка, шею украшала тонкая золотая цепочка, волосы, как и позавчера, небрежно падали на плечи. Ещё стоя на эскалаторе, она дружески мне улыбнулась; в улыбке мне померещилось что-то колдовское, по крайней мере на меня Ренино колдовство магическим образом действовало, как и матовый блеск и сияющая свежесть её припухлых губ.

– Привет! – Рена протянула мне руку; я с радостью отметил, что девушка не спешит отдернуть её. – Давно ждёте?

– Только что подошёл, – сказал я, хотя минут уже пятнадцать околачивался в вестибюле, тщетно выискивая её в непрерывном людском потоке.

Мы вышли на улицу. Погода стояла погожая, приятная.

– Армен вчера собирался с вами в кино, – сказал я. – Хорошая была картина?

– В кино? Вчера? Вчера был день моего рождения, мне исполнилось девятнадцать, – удивилась Рена и покраснела. Я понял, что слова про день рождения случайно у неё вырвались. – Я весь день провела дома, – добавила она как-то неуверенно, – никуда не ходила. И Армен мне не звонил. Да и не мог позвонить, он же не знает моего телефона.

Я совершенно запутался.

– Поздравляю вас от всего сердца, хоть и с опозданием!

Она смущённо меня поблагодарила.

– Помните, у нас был разговор о ресторане «Гюлистан». Армен должен был условиться с вами и перезвонить мне. На что ж он рассчитывал, если не знал вашего номера?

– Видимо, собирался взять его в последнюю минуту. Но не вышло.

Возникла пауза.

– Простите, Рена, за бестактный вопрос. Давно вы знакомы с Арменом?

В глазах у девушки выразилось явственное недоумение.

– Я видела его всего дважды, и оба раза по чистой случайности. Впервые здесь, у метро, несколько месяцев назад. Я шла из публичной библиотеки, он спросил, как пройти куда-то, я объяснила. А позавчера я заглянула позвонить на почту – первый этаж вашего здания. Он тоже куда-то звонил, опять поинтересовался чем-то. Потом упросил подняться в редакцию – мол, у вас день рождения, и вам будет приятно, если вас поздравят двое. Он очень просил, сама не знаю, что на меня нашло, но я согласилась на минутку подняться. Вот, собственно, и всё наше знакомство.

Точь-в-точь избавившись от ноши, я свободно вздохнул.

– И весь этот сыр-бор – день рождения, предварительный день рождения – был, конечно же, выдумкой. – Рена широко улыбнулась; было видно, что она в этом ничуть не сомневается. – Разве не так?

– Ну... – я увернулся от прямого ответа. – Значит, у Ар-

меня не было вашего номера?

– Конечно, нет.

– Занятно.

– По правде говоря, от вашего звонка я тоже была в некоторой растерянности. Так и не поняла, вы-то мой телефон откуда узнали.

– Не скажу, – интригуяще заявил я, но не стал интриговать. – Помните, вы позвонили домой с моего радиотелефона?

– Помню.

– Радиотелефон имеет обыкновение фиксировать номера, по которым звонит. Вот что такое техника!

– Ах вот оно что, – рассмеялась Рена. И, подняв на меня бирюзовые свои глаза, поинтересовалась: – О каком важном деле вы говорили?

– Позавчера мы ушли из ресторана, не расплатившись.

– Да что вы! – Рена даже отпрянула; прижала ладони к щекам и, сама не своя, воскликнула: – Не может быть!

– Вы помните метрдотеля, Рауфа Алиевича? Того, кому Армен нас представил. Так вот он мне позвонил в этой связи.

– Какой стыд... – Рена была не в силах унять эмоции. – Как же нам быть?

– Метрдотель ждёт нас.

– Минутку, – растерялась Рена. Губы у неё шевелились, будто она производила про себя какие-то подсчёты. – Я не могу сказать этого папе, маме тоже, брату тем паче. А вот

невестке, жене брата, могу. Ирада поможет. И, кстати, моя стипендия за два месяца при мне...

– Да успокойтесь вы, ничего не надо. – Её тревога растрогала меня. – Пойдёмте.

– А без меня нельзя? – Голос девушки звучал умоляюще.

– Чего нельзя, того нельзя. Не то и толковать было бы не о чем, – Я говорил решительно, и Рена сдалась. Взял её под руку и быстро, чтоб она не передумала, повёл к стоянке такси.

Рауф Алиевич встретил нас уважительно и с достоинством. Подобного в моей практике ещё не бывало, сокрушённо признался он, то есть изредка случались инциденты, не без того, но чтобы такие почтенные гости ушли, не расплатившись, от этого Бог миловал.

Мы не пошли в Восточный зал, устроились в Зеркальном, у окна, местечко Рене приглянулось. Оркестрантов на сцене пока что не было, на стульях лежали инструменты: на одном саксофон, на другом труба, на третьем тромбон; контрабас в футляре прислонили к стене. Музыканты уже подошли и, в полном сборе стояли подле сцены, переговаривались и время от времени окидывали взглядами зал.

Рене я заказал полусладкого шампанского, себе коньяку. Нас обслуживала бледная худенькая, но привлекательная

с виду русская девушка; любое пожелание она выполняла с такой готовностью, словно это доставляло ей неслыханное удовольствие.

Перед стойкой бара восседали на высоких стульях две девицы с длинными ногами; про такие говорят – они начинаются от плеч. Потягивая через яркие соломки джинс с тоником и долькой лимона, девицы регулярно присматривались оценивающими взглядами к мужчинам в зале.

Обстановка царила приятная, музыка звучала негромкая, ненавязчивая. Вдобавок мне льстило, что все, кто сидел за столиками по соседству, заметили мою спутницу и не упускали повода лишний раз оглянуться на неё. Мы же с Реной оживлённо говорили о том о сём, я что-то рассказывал, она что-то рассказывала... И мало-помалу тесное наше общение стало буквально сводить меня с ума, с каждой минутой девушка всё сильнее очаровывала меня. Между прочим, она умела слушать и реагировала на услышанное всегда впопад – смеялась, хмурилась.

И тут я с изумлением увидел Армена – длинное настенное зеркало напротив отражало его. Беспечно и неторопливо с сигаретой во рту он поднимался на второй этаж. Позавчера не заплатил по счёту, теперь явился закрыть долг, подумалось мне. Обернувшись, я помахал ему рукой, он, однако, меня не заметил. Девицы у бара были, похоже, знакомы с ним. Он, во всяком случае, им улыбнулся. И в ту же секунду блуждающий его взгляд упал на нас с Реной. Армен

всплеснул руками и направился к нам.

– Ну и встреча! С утра звоню, звоню, всё без толку, а вы вон где. Что пьёте? – он оглядел стол. – Шампанское, коньяк. А как насчёт водки? – Сел в свободное кресло и не забыл сделать Рене комплимент: – Вы, как всегда, восхитительны. Хотите новый анекдот? Идёт по улице девушка, следом за ней парень. Куда она, туда и он. Идут, идут. Она поворачивается и спрашивает: зачем вы меня преследуете? «Едва вы повернулись, я и сам подумал: зачем?»

Мы вежливо улыгнулись. Я подозвал официантку, заказал Армену водки. Что он мне звонил, я, конечно, не поверил. Однако промолчал. Умолчал и об истории с неоплаченным счётом. И сделал знак подошедшему на минутку Рауфу Алиевичу – не надо про это. Метрдотель понял и согласно кивнул. Армен между тем произнёс необычный тост:

– Пусть грядущий день принесёт нам мир, – сказал он, затем что-то вспомнил и задумчиво добавил: – Есть у меня приятель, азербайджанец родом из Грузии, собственно, никакой он мне не приятель, мы с ним только-только познакомились, да это неважно. Есть у него кое-какие связи в криминальном мире, вдобавок он приходится роднёй вашему Гасану Гасанову, секретарю ЦК. Так вот, по его словам, идёт молва, дескать, уголовников из тюрем выпускают. Обо всем мне он не говорит, но я вижу, чувствую, что готовится что-то плохое. Каждую субботу и воскресенье в здании филармонии проходят тайные совещания во главе с этим самым Га-

сановым. . . Пусть грядущий день принесёт нам мир, – тем же задумчивом видом продолжил он свой тост, – и пусть люди не останутся без крыши над головой, и пусть нам не дано будет услышать плач и причитания по безвременным утратам. – Он взглянул на часы и, вставая с места, сказал: простите, мне предстоит встреча у метро «26 комиссаров». Минут через десять—пятнадцать я вернусь.

Тост Армена и в самом деле прозвучал необычно и странно, однако подумалось, что все это пустые разговоры. Мы его, правда, сразу же забыли, но в дальнейшем я частенько вспоминал зловещие эти слова Армена.. После его ухода мне бросилось в глаза, что девицы у бара тоже исчезли. Их вытянутые кверху стаканы с едва ли наполовину выпитым джином остались на стойке.

Мы с Реной немного потанцевали. Меня снова приятно взволновала её робость и смущение, и щекотка от прикосновения её волос к моему подбородку, и хрупкое тепло её тела под моими ладонями, и лёгкая поступь в танце, и её радость, и то, как она, дую на спадавшую на лоб и мешавшую ей золотистую прядь, дружески на меня смотрела.

Армен же так и не пришёл. Мы прождали и пятнадцать обещанных минут, и час, и два; напрасно.

– Его нет, – зафиксировал я, в очередной раз поглядев на освещённое люстрой зеркало – в нём отражался весь лестничный пролёт вплоть до первого этажа. Видно, в моём голосе не было и тени сожаления; Рена обратила на это вни-

мание.

– А тебе хочется, чтоб он вернулся?

– Нет.

– Почему?

– А тебе? – тоже перейдя на ты, вопросом на вопрос ответил я.

Рена покачала головой, привычным движением убрала волосы со лба. С ответом она не спешила.

– Нет.

– И почему же?

Я положил на её руку ладонь. Она руку не убрала.

– Потому что ты этого не хочешь.

Я ласкал её пальцы своими, и она не отнимала руки, потом её рука повернулась в моей ладони, и наши пальцы переплелись. Меня охватило волнение, сердце тревожно затрепетало и наполнилось необъятной любовью и умилением. Я прильнул губами к её длинным, нежным, чудным пальцам

– Рена, – с замирающим сердцем взволнованно шепнула я, – хочу, чтобы ты поверила – нынче самый славный, самый красивый, самый удивительный и счастливый день в моей жизни. Ты веришь?

– Верю, – сказала она, и её губы запылали, как никогда прежде. – Я хочу, – продолжила Рена дрогнувшим голосом, – хочу, чтоб этот день был первым и чтобы таким же стал последующий и все прочие дни. А сейчас пойдём, уже поздно.

Я поблагодарил официантку за чудесный вечер, не забыв

при этом незаметно положить ей в карман красную купюру, рассчитался также с метрдотелем за позавчерашний вечер, и мы с Реной спустились на первый этаж.

Внизу, тщательно, выбирая по одной, я купил у цветочницы девятнадцать белых голландских роз на длинных стеблях, одна другой краше, и поднёс Рене, за что она была безмерно благодарна. Растроганная и взволнованная, она прикоснулась тёплыми своими губами к моей щеке, отчего я застыл на миг как вкопанный.

Как и в прошлый раз, Рена воспротивилась, чтобы я провозжал её до дому, и мы расстались у метро. Напоследок она шепнула мне:

– Я хочу, Лео, чтобы ты поверил – этот день тоже останется для меня бесконечно счастливым и незабываемым...

Рена уже затерялась в вестибюле метро, а я всё еще стоял, словно не в силах шевельнуться: опьяняя, она словно всё ещё была рядом, и я чувствовал её тёплое дыхание, слышал пленительный голос, улавливал обольстительное благоухание и лёгкое прикосновение к своему лицу мягких её волос...

С планёрки я вышел в дурном настроении. Ехать в командировку вовсе не хотелось, но и отказать главному в просьбе я тоже не мог – не признаваться же, что влюбился как

мальчишка, до полного безрассудства, жажду быть в городе, чтобы лишний раз увидеть её, мою красавицу с совершенным обликом и голосом, чьи мелодические переливы пьянят меня? Сказать, что не видеть этого и не слышать несколько дней – трудно? И ради чего? Ради поездки в Мир-Баширский район, в дальнем уголке которого приютилось уединённое армянское село со странным названием Бегум-Саров, где соорудили памятник в честь погибших в Великой Отечественной войне сельчан. И сельское руководство позвонило нашему начальству и попросило показать по телевидению церемонию открытия этого памятника. Что мне сказать на это? Пусть едет кто-то другой?

Ради десятиминутной передачи нам вчетвером – редактору, режиссёру, оператору и ведущему – предстояло преодолеть более трехсот километров по дороге, которая до самой Куры тянется по голой, мёртвой пустыне – ни деревца, ни травинки, только наводящая тоску асфальтовая дорога по безжизненной глуши.

Растительность появлялась только по ту сторону Куры. На неоглядных хлопковых полях работали женщины. В закусокных под открытым небом, разбросанных вдоль дороги, мужчины развлекались игрой в нарды да бесконечно пили чай, лениво поглядывая на снующие мимо них автомобили.

Бегум-Саров утопал в деревьях и цветах и казался настоящим райским уголком посреди мёртвой пустыни.

– Сколько труда и умения вложено в эти сады! – рас-

чувствовался оператор Беник, с трудом шагнув из машины на онемелых ногах. – К чему ни приложит руку армянин, сухая земля расцветает. Прежде это село входило в Мартакертский район, потом его переподчинили азербайджанскому Мир-Баширу. В девятьсот пятом, в пору резни, его уничтожили дотла, нынче здесь опять райские кущи. Армянину на роду написано превращать пустошь в цветник.

Я надеялся, что мы за день управимся со своим заданием, однако не тут-то было. Мы сильно задержались и вернулись домой только в четверг, ближе к вечеру. Весь обратный путь я воображал, как тут же кинусь к телефону, но по приезде заколебался и в конце концов передумал звонить. Рена ведь ничего не сказала на этот счёт при расставании. Получится, будто я навязываюсь, удобно ли?

В редакции перекинулся двумя словами с шефом. Тот рассказал анекдот. Приезжает мужик из командировки, а на его кровати торчат из-под одеяла мужские ноги. «Кто это?» – спрашивает у жены. «Кто-кто? – напускается на него жена. – Сколько я тебя просила шубу купить, ты купил? А он купил. Ты меня на море хоть разок свозил? А он повёз. Плюс дача, машина, они ведь не с неба свалились. Теперь ещё на квартиру денег дать собирается». «Коли такое дело, – говорит муж, – укрой ему ноги, не дай Бог простудится».

Я собрался было распрощаться, главный спросил:

– Кофе выпьешь?

– Давай.

Главный обратился по селектору к Арине:

– Приготовишь Лео чашку кофе?

– С удовольствием, – отозвалась Арина; в её голосе слышались восторженные нотки. Главный многозначительно хмыкнул.

Через несколько минут, похожая на красотку с полотна Жана Лиотара «Шоколадница», с подносом в руках Арина торжественно вплыла в кабинет, приветствуя меня лукавым взглядом.

Ответив на приветствие, я попросил:

– Арина, принеси, пожалуйста, газеты за последние два-три дня.

Кофе получился на славу, выпил я его с наслаждением.

– Вот спасибо! – Я поднялся. – Усталость как рукой сняло.

– Между прочим, приехал Леонид Гурунц. Сидит у Лоранны. Когда-то он работал здесь в русской редакции. Видел его? – спросил главный.

– Нет.

Заглядывая во все кряду двери, я направился к себе в кабинет. Было душно. Ослабил узел галстука, включил кондиционер. Уселся за стол. Покосился на телефон. И окончательно решил не звонить.

– Привет! – снова поздоровалась Арина, входя в кабинет, и положила передо мной газеты. – Вы задержались. Мы тебя жаждали.

Она присела напротив меня в обычной своей позе – уста-

вив локти в стол и подперев ладонью щёку; в уголках губ играла чуть различимая усмешка, как у женщин на скульптурах Антонио Кановы.

– Мне было любопытно, смогу я тебя простить?

– Меня? – Она с удивлением ткнула себя рукой в грудь.

– Тебя, тебя, – с шутливой строгостью подтвердил я и вдруг вспомнил: об Авике Исаакяне я говорил ей одной. Забыл уже, в связи с чем. Ах да, зашла как-то речь о Берии, вот я и сказал, что Авик, университетский мой преподаватель, был женат на его внучке, одновременно приходившейся правнучкой Максиму Горькому. Скорей всего она сболтнула про это Армену, и тот, не будь промах, отрекомендовался приятелем Авика.

– За что?

– Это ведь Армену ты наговорила про Авика Исаакяна?

– Вроде бы... Ну да, он зашёл к главному, потом расспрашивал о тебе – кто ты да что. Вот я и рассказала про Авика Исаакяна. Ну и про внучку Берии. Он, кажется, этого не знал. Да что стряслось-то?

Я коротко поведал о нашем походе в ресторан.

– Армен не появлялся тут в моё отсутствие?

– Нет, – растерянно помотала головой Арина. – Ну и проходимец... А мы-то приняли его за приличного человека. Прости меня, пожалуйста, Лео. Я виновата.

– Да ладно, чёрт с ним. – Приятно было сознавать Аринину искренность и чистоту, но и подтрунивать над её меч-

тательностью, эмоциональностью и наивностью тоже доставляло мне удовольствие. – А я уж подумал, не заодно ли ты с ним. Теперь вижу что нет.

– Вижу, что нет. Да ты думаешь, что говоришь?! – Арина подскочила на стуле и зарделась, как несправедливо обиженный ребёнок. – Ты соображаешь или нет?

– Да брось, я же шучу. – Трудно было предположить такую обидчивость. – Шуток не понимаешь? Садись, главный рассказал анекдот. Садись, расскажу.

– Садись, расскажу... – Всё ещё дуюсь, Арина снова села напротив меня.

– Преподаватель спрашивает студентку: «Как ваша фамилия?» «Дарбинян», – отвечает та весело. «Что же в этом смешного?» – недоумевает преподаватель. «Я рада, что верно ответила на ваш первый вопрос».

– Главный ничего такого не рассказывал, – успокоившись, говорит Арина. – Ты сам это на ходу сочинил. Неплохой анекдот, остроумный, – похвалила она. – Но тебе, похоже, невдомёк – я окончила институт с отличием.

– Разумеется. Не то тебе не дали бы золотой медали.

– Эх ты, не стыдно смеяться над пожилым человеком. – Арина, гримасничая, передразнила меня: – «Может, не институт, а университет?» А он-то дома гордится, какой у него родственник отзывчивый. Кстати, он опять к тебе собирается, мой свёкор.

– Что, передумал и хочет изгнать тебя с работы?

– Наоборот. Рассчитывает, что ты и другую сноху сможешь куда-нибудь пристроить.

– Минутку, дай взять ручку. Сколько вас, говоришь, снох?

– Не бойся, всего три, – развеселилась Арина. – При этом один мой деверь всё равно не пустит благоверную работать. Жуть, какой ревнивый.

– И на том спасибо. Всего лишь одна? Это меня радует.

– И я рада, что ты рад.

– Ага, ты рада, что я рад, что ты рада, что я рад.

Арина пришла в восторг от нехитрой этой скороговорки.

– О боже, здесь мне вконец голову заморочат. Словом, устроить надо бы жену старшего деверя.

– Как зовут?

– Сильва.

– Хорошенькая?

– Тебе-то какое дело!

– Надо же знать, кого рекомендуешь.

– На работе кто требуется – хорошенькая или специалист?

– Хорошенькая специалистка.

– Ишь ты какой, за словом в карман не полезешь.

– Лазил бы за словом в карман, ты бы безработной ходила.

Кто твоя Сильва по специальности? Фамилия, возраст?

– Возраст... С этого б и начинал, – снова надулась Арина. – В общем, она экономический окончила.

– Буквы-то хоть знает?

Арина насупила брови.

– Что за буквы?

– Проехали. Фамилия, имя.

– Фамилия у нас общая – Дарбинян. Дарбинян Сильва, двадцать три года, В октябре двадцать три стукнет.

– У нас в бухгалтерии есть вакансия. Сеидрзаева, главный бухгалтер, мне, надеюсь, не откажет. Позвонить?

– Нет, обожди, – спохватилась Арина. – Надо же сперва поговорить с человеком. Завтра я Сильве скажу, ну а там уж... Это чья? – Она показала глазами на записную книжку в чёрном переплёте, заваленную ворохом бумаг.

– Понятия не имею. Может, Армен забыл? Возьми. Отдашь ему при случае.

Арина встала.

– Пойду, наш мемуарист ждёт меня, не дождётся. Сил уже нет от его воспоминаний. – В дверях обернулась и с невинным личиком доложила: – Между прочим, та девушка приходила.

– Какая такая девушка? – равнодушно спросил я; внутри у меня всё всколыхнулось.

– Какая девушка... Мне-то откуда знать? – испытующе смерила меня взглядом Арина. – Та, которую Армен приводил. Спрашивала тебя.

– Меня? – безразлично кивнул я; это безразличие тяжело мне далось.

– Да, тебя. – Тот же испытующий взгляд. Арина медленно затворила за собой дверь. Я догадался, она пока что не ухо-

дит. И лишь спустя минуту, в коридоре хлопнула дверь, и в Ариной комнатке застрекотала пишущая машинка.

Я рывком вскочил с места, дважды повернул ключ в дверном замке. Про себя решил: если трубку снимет не Рена, сыграю в молчанку. Набрал одну за другой пять цифр, а после заключительной восьмёрки попридержал диск и не без сомнения отпустил. Диск прошелестел и замер.

– Алло.

Она!

– Здравствуй, Рена, – хрипло сказал я, силясь унять нервы.

– Привет, Лео. Я дважды заходила в редакцию, не могла тебя застать.

– Мне неожиданно пришлось уехать в командировку, – оправдываясь, я не вникал, уместны ли мои слова. – И всё время думал о тебе.

– Спасибо. – Даже по телефону чувствовалось как она смущённо улыбается в этот миг на том конце провода. – Это приятно. В понедельник ты никуда случайно не уезжаешь?

– Нет, нет, – выпалил я.

– Тогда после занятий я зайду в редакцию. Дождёшься меня?

– Что за вопрос!

Но Рена не клала трубку.

– Твои розы до сих пор не завяли. Все до одной распустились, и комната так и благоухает. – Она помолчала. – Розы

напоминают о тебе.

– Люди встречаются друг с другом на перекрестьях множества дорог, – сказал я, – не сознавая, что вся их минувшая жизнь готовила эту встречу.

– Да, так оно, видимо, и есть, – откликнулась Рена. – И невозможно узнать, что ждёт их после неведомых этих перекрёстков.

– Ты очень мне нравишься, Рена, – просто сказал я. – До понедельника.

– До свидания, – сказала Рена, но трубку всё-таки не положила. – Ты тоже... мне симпатичен. Я приду в понедельник, до свиданья.

– Цав'т танем, – внезапно вырвалось у меня.

– Совет танем, – неловко повторила она. – Что это значит?

– Не совет танем, а цав'т танем.

– Цавед танем.

– Нет, цав'т танем.

– Цвет танем? Как это переводится.

– Если буквально, то возьму себе твою боль, унесу твою боль.

– А... агрын алым, – обрадовалась Рена. – Или близко по смыслу: дардын алым, гадан алым. По-азербайджански звучит и точнее, и лучше, чем по-русски. – Она засмеялась: – Цвет танем.

Сердце беспорядочно колотилось, и я минуту-другую вышагивал по кабинету, не в силах чем-либо заняться. Мне

страшно хотелось поделиться с кем-то новостью – Рена придёт ко мне в понедельник, я день-деньской буду подгонять время и дожидаться, дожидаться. Сказать об этом ужасно хочется, но я знал, что никогда и никому не скажу ни слова.

Из окна на пятом этаже я глянул вниз; одинокое лоховое дерево вытянулось над стеной, огораживающей здание, раскинулось над улицей, которая выходила на ЦК, и развеивало там и тут белую цветочную пыльцу. Над облаками пыльцы порхали пёстрые бабочки; то одна, то другая садилась на цветы, Мне была видна из окна площадь у метро «Баксовет» с её многолюдьем и толчеей и район старого Баку – Ичери-шехер с высокими толстыми крепостными стенами и пушечными бойницами, с просмолёнными плоскими кровлями, что знай посверкивали под солнцем, с караван-сараями, банями, мечетями и заунывным голосом муэдзина, призывающего правоверных к намазу, с паутиной узких улочек, спускающихся к морю, где стремглав носились над судами на якоре чайки – то одна, то другая стремительно ныряла в воду и стремительно же выныривала. Прежде, когда не возвели ещё нового здания ЦК, из окна открывалась широкая морская панорама, а теперь взгляд выхватывал только малую её частицу. Волны под весенним солнцем сияли и слепили, отражая его лучи. Небо из окна кабинета тоже казалось рассечённым надвое. Разбитый на холме участок парка имени Кирова застил обзор, и чудилось, что высокий памятник этому деятелю с его рукой, указующей на город и море внизу, не стоит

на возвышенности, но парит под облаками.

Я вышел в коридор и, свернув налево, заглянул в общий отдел.

Лоранна сидела у себя за столом, а перед ней расположился Леонид Гурунц – бодрого вида человек с улыбочивым лицом и небрежно зачёсанной набок каштановой с проседью шевелюрой.

– Познакомьтесь, Леонид Караханович, – представила меня Лоранна, – это заместитель нашего главного редактора. Родители у него карабахские, но сам он из Сумгаита.

Я знал, разумеется, Гурунца как писателя, читал его книги, особенно сильное впечатление произвела на меня его «Карабахская поэма», пронизанная нежностью, любовью и романтическим настроением.

– Так ты карабахец? – Он с места энергично протянул мне руку. – Ну, скажи: зачем спрашивать? И без того видно – высокий, статный, с изюминкой. Карабахцы, они все такие – рослые, красивые. Багра́т Улуба́бян недаром сказал: не народ, а семенной фонд. Ты женат?

Я отрицательно помотал головой.

– Я в твои годы уже дважды развёлся, а ты даже не женился.

– Времени нету, – подмигнула Лоранна.

– Или вы не даёте ему времени, – рассмеялся Гурунц. – Человек в молодости живёт, чтобы любить. А в зрелые годы

любит, чтобы жить. Первая моя жена была сестрой жены поэта Татула Гурияна. Ну а поскольку мы с Татулом были близкими друзьями и женились на двух сёстрах, то и псевдоним решили взять один и тот же: он – Гуриян, я – Гурунц. Эх, нет на свете ничего лучше молодости, – вздохнул он, – и дороже тоже нет. Пока человек молод, ему нужны две малости, чтобы чувствовать себя вполне счастливым. Так что покуда молод – улыбайся себе каждый день, ищи вокруг развлечений. Мечтать, улыбаться – вот что человеку необходимо. Как говорится, следуй за мечтой, и там, где прежде стояла глухая стена, перед тобой распахнётся дверь. Стоит человеку бросить мечтать, и он уже почти мёртв... Стареть и взрослеть – это далеко не одно и то же, – заключил Гурунц после паузы. – Коль скоро тебе тридцать и ты целый год проваляешься, ничего не делая, на диване – тебе стукнет тридцать один. Нет ничего проще, чем стать еще на год старше. Для этого вовсе не требуется ни таланта, ни дара. Дарование, талант – это как раз то, что позволит тебе, меняясь, обрести новые горизонты. Попомните, что я говорю вам, и ни о чём не жалеете. Не жалеете того, что протекло вчера, не бойтесь того, что случится завтра, и будьте счастливы нынешним. Люди пожилые редко жалеют о сделанном, они грустят о том, чего не сделали, о том, чего им сделать не удалось или чего они не успели. Так-то вот, – вздохнул Гурунц. – На свете и впрямь нет ничего ни лучше, ни дороже молодости. Молодость, она что твоё золото, горы свернёт и на всё способ-

на. Я, к примеру, свою «Карабахскую поэму» написал именно что молодым. Худо только, что ничего хорошего я из-за неё не видел. Зато горечи вкусил досыта. Это было время, когда сгущалась атмосфера бешеного национализма, известных людей гнали из Баку, из районов республики с ярлыками людей ненадёжных, изгоняли в северный Казахстан или же напрямую в Сибирь, чтобы занять их должности и завладеть комфортным их жильём. Все обрушились на меня, и этот тоже с ними, – Гурунц сделал головой движение, давая понять, что имеет в виду прежнего нашего главного, – то, что в ссылку меня не уpekли разве что по счастливой случайности.

Сидя чуть поодаль, Сагумян молча слушал Гурунца и согласно кивал головой. Должно быть, он отчётливо помнил те времена и события.

– А в чём, собственно, вас обвиняли? – спросила Лоранна. – В книге было что-то антисоветское?

– Да в том-то и дело, – махнул рукой Гурунц. – Об антисоветчине и речи не шло. Их взбесило само название. Говорили: «Ты почему именно про Карабах разговор в романе затеял, у нас что, других краёв нету? И всё из-за «Карабахской поэмы», которую никто из них и прочесть-то не удосужился. Исключая, конечно, заглавие. Мне всё это надоело, я возьми и напиши про эти художества в ЦК, Мир-Джафару Багирову. Ночью Багиров звонит редактору газеты на армянском языке «Коммунист» Тиграну Григоряну и требует представить ему книгу, а потом распоряжается напечатать

в «Бакинском рабочем» положительный отзыв. Видели бы вы, как юлили, как заискивали передо мной вчерашние гонители, как они передо мной извинялись. Однако ж это благодушие преследовало дальнюю цель. Вскоре в Баку затеяли борьбу с Мариэттой Шагинян, да не на жизнь, а на смерть. Приглашают меня в ЦК – мол, так-то и так-то, поставь свою подпись под статьёй, уже готовой, где Мариэтту Сергеевну смешивают с грязью. Я наотрез отказался. Она, объясняю, для меня всё равно что духовная мать, она первая сказала доброе слово о моих писаниях. «Иди и подумай, – холодно сказали мне. – Мы позовём». Но не позвали. Позвали Маргара Давтяна – уважаемый, достойный человек, депутат Верховного Совета. Был такой порядок – одного из армянских интеллигентов Баку полагалось избрать депутатом. Прежде в депутаты выдвигали артистку Жасмен, в сорок девятом, после того как армянский театр в Баку закрыли, депутатом стал Давтян. Повод подвернулся что надо, прямо по народному присловию – собаки сцепились, нищему повезло, прежний ваш редактор Самвел Григорян им воспользовался. Пошёл в ЦК и, назвав кандидатуру Маргара Давтяна, предал его. Дескать, он прозаик и хороший знаток истории. Ваш прежний – опытный лис. Прекрасно понимал – эта подпись погубит Маргара, и редактором армянского журнала «Гракан Адрбеджан» и депутатом Верховного Совета неизбежно станет он сам, Самвел. Так и вышло. Все республиканские газеты – азербайджанские, русские, армянские – напеча-

ли ту статью за подписью Маргара Давтяна и Тиграна Григоряна. Для Тиграна это значения не имело, в бытность свою секретарём Карабахского обкома он к таким вещам привык, а Маргара эта статейка морально уничтожила. Случилось это тридцать лет назад, и вот уже тридцать лет ваш прежний шеф не расстаётся с депутатским своим значком.

– А то как же, – подтвердил Сагумян, – значок, можно сказать, оплачен кровью, теперь он его не выпустит из рук. У азербайджанцев хорошая поговорка есть: кйор тутугыны брахмаз, то есть, слепец что схватил – не выпустит.

– — Да что толковать, Арутюн, – задумчиво сказал Гурунц в ответ на реплику Сагумяна, – Культ личности после смерти Сталина осудили, Берию и Багирова расстреляли, смотрите, дескать, у нас всё по закону, ведь у нас и конституция есть, и прокуратура, и суд, и правосудие. Всё это будто бы создано, чтобы служить интересам народа. Между тем у гидры взамен отсечённой головы повыврастали новые головы, много новых голов. Один из них – первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома Борис Кеворков, наделённый в своей епархии почти такой же неограниченной властью. И как это вытерпеть? – Гурунц перевёл дух и тихо, словно говорил сам с собой, сказал: – Истина, справедливость – они будто бы положены в основу нашей жизни. Покажите мне Бога ради, где вы их видите или видели. Если не вы, то другие. Не вчера, так накануне. Может, они дожидаются за семью печатями, чтобы мы их освободили и вывели на свет?

Двери тихонько отворились, и в комнату с неизменной своей авоськой в руке вошёл наш прежний главный редактор. С клоком седых волос на плешивой уже голове, будто бы приклеенном слева направо, с отвислым подбородком, рыжеватый, маленький, но всё ещё крепкий, он на мгновение замешкался, повозился с папкой для бумаг и, пристально глядя на Гурунца, молвил:

– Мне Кеворков квартиру дал.

В его словах так и сквозило намеренье подлить масла в огонь.

Гурунц поднял голову и воззрился на него.

– Тебе что, жить было негде? А трёхкомнатная квартира неподалёку от армянской церкви, на бывшей Базарной, ныне улице Гуси Гаджиева? А новая четырёхкомнатная у дома правительства на набережной – её, я слышал, тебе Гейдар Алиев дал?

– Да не здесь, в Степанакерте, – великодушно снизошёл до объяснений прежний. – Чтобы летом ездить и тутой лакомиться. Карабах, он как-никак моя родина, у меня и стихи соответствующие имеются: «Шахасар», «Сингара» и всё такое. Вот, к примеру, только-только сочинил, уже после того, как получил квартиру:

Когда говорят «Карабах»,
Я горы тотчас вспоминаю,
Журчат его речки в ушах,

Ах, камни, я вас вспоминаю...

Горячий в тонедре лаваш,
Прохладу гумна вспоминаю,
Тута наша, край милый наш
Опять и опять вспоминаю.

– И что дальше? – спросил Гурунц.

– Куда ж ещё дальше? – осклабился прежний и шмыгнул носом. – Гимн во славу малой родины. Гимн родной природе. Всё ясней ясного.

– Один мой родственник, он рабочий Карабахского шёлкового комбината, – не глядя на собеседника, с угрожающей вежливостью произнёс Гурунц, – уже восемнадцать лет ютится с семьёй в узком сыром подвале, ждёт очереди на квартиру и гадает через сколько лет она подойдёт. А твой Кеворков даёт тебе квартиру, чтобы ты, видите ли, летом тут-той лакомился. Баграат Улубабян Карабаху всю свою жизнь отдал, Богдан Джанян в лагерях из-за Карабаха сидел, так их ездить туда и то лишили права. Мне, который все свои книжки да и всю свою жизнь ему посвятил, тоже запрещено там показываться. – Гурунц громко втянул в себя воздух. – Из страха перед Кеворковым родичи мои заговорить со мной боятся. Подлая и продажная тварь – вот он кто, твой Кеворков. И пока такие, как он, ещё не перевелись и безнаказанно отравляют атмосферу вокруг, не видать нам ни нормального суда, ни справедливости.

– Прошу тебя, Леонид, не веди при мне такие речи, – протестующе сказал экс и снова шмыгнул носом.

Года два—три назад он точно так же предупредил писателя Сурена Айвазяна. Седоволосый, с располагающим лицом, общительный и словоохотливый, Айвазян раздражённо говорил о Брежневe: «Страна чуть ли не голодает, в магазинах шаром покати, повсюду взятки, мздоимство, грабёж, а он что ни месяц очередной орден на грудь цепляет. Уже и места-то нет, осталось разве что на пупе парочку навесить». Все рассмеялись. Один только прежний насупился, покраснел как рак и произнёс те самые слова: «Прошу тебя, Сурен, не веди при мне таких речей». Айвазян только руками развёл: «Ты, я смотрю, загодя себя подстраховал. Если кто на меня донесёт, и твоё предостережение вспомнит».

Гурунц, однако, сказал нечто совсем иное:

– Больно и досадно, Самвел, что ты за спинами лжекумиров не замечаешь, а верней, не желаешь замечать зло, которое разрастается как снежный ком ежечасно и ежедневно. Разрастается при фарисейском попустительстве тех, кто обязан поставить ему заслон. Заруби себе на носу, от Кеворкова и кеворковых и следа не останется, как следа не осталось от его предшественников – всех этих каракозовых, апуловых, замраевых, шахназаровых, джамгаровых, зияловых, аслановых. Это же надо, в армянской области ни одной армянской фамилии! Один только Егише Григорян армянскую фамилию носил, да и то потому, что жена была турчанка.

Прежний холодно и надменно смотрел мимо Гурунца и только шмыгал носом. А Леонид Караханович не на шутку разволновался:

– Отчего же так? Ты хоть единожды задумался, что ровно сто восемьдесят лет назад Карабах с его тринадцатью областями и с территорией в одиннадцать с половиной тысяч квадратных километров добровольно вошёл в состав России? Что он собою представлял? А вот что. Свыше пяти тысяч историко-архитектурных памятников с армянскими надписями на них, армянские мелики и армянская история, зафиксированная античными писателями от Геродота и Страбона до Диона Кассия. И что нынче осталось от этой территории? Меньше четырёх с половиной тысяч квадратных километров, от которых то тот, то этот нороят отщипнуть ещё и ещё. Думал ты об этом, я тебя спрашиваю? – заметно побледнев, повысил голос Гурунц. – Почему среди полумиллиона живущих в советском Азербайджане армян нет ни одного композитора, художника, учёного, ни одного республиканского масштаба руководителя, ни одного секретаря или хотя бы завотделом ЦК, ни одного пристойного писателя? Не странно ли, при ненавистном царизме в Баку действовали Армянский национальный совет, и Союз писателей-армян, и армянские благотворительное, человеколюбивое и культурное общества – что же сегодня? Александр Ширванзаде и Иоаннес Иоаннесян прожили здесь едва ли не всю жизнь, зато в советские времена лучшие писатели-ар-

мяне – Гарегин Севунц и Амо Сагиян, Ашот Граши и Сурен Айвазян, Аршавир Дарбни, Гарегин Бес, да и я, Леонид Гурунц, всех и не перечесать, – все мы волей-неволей республику покинули. Куда пропали в Баку несколько десятков армянских школ, дома культуры, библиотеки, типографии и, наконец, театр, исправно и бесперебойно радовавший зрителя с 1870 года?

– Тебя послушаешь, здесь нет ни одного стоящего писателя? Я что, тоже не писатель, а? – с яростью возопил экс. – Мой двухтомник напрасно напечатали, звание народного поэта Азербайджана напрасно мне дали?

– Звание народного тебе дали те, кто не может прочесть, что ты там накропал. Это же глупость, а когда правду подменяют глупостью, дело плохо.

– Слава богу, – медленно, весомо, выделяя каждое слово, отчеканил экс, – что не ты и не тебе подобные решают, кого можно, а кого нельзя наградить званием и титулом. Слава богу! – повторил он и двинулся к двери.

– Ступай, ступай! Из всего, что я тут сказал, тебя лишь это и задело, верно? – Гурунц держался спокойно, хотя давалось ему это не без усилий. – Ступай, не ровён час, из распределителя продукты доставят, а тебя дома нет. Обидно! Спецмагазин, спецбольница, спец гостиница, спец оклад и доплаты, специаптека, спецуборная... Куда ни сунься, всё сплошь спец – от роддома до кладбища. Всё специальное, отдельное от иных-прочих. Народу одно, вам другое. Вроде бы до-

брались уже до конечной своей цели, построили себе спецкоммунизм: от каждого ноль и каждому по потребностям. А потребности таковы, что на всеобщий коммунизм пока что и не надейся.

Прежний многозначительно смерил Гурунца взглядом с ног до головы. Его зрачки при этом злобно сузились; он, тем не менее, промолчал и, налившись ненавистью и шмыгая носом, удалился. Попрощаться он забыл. Однако через мгновенье дверь открылась опять, и он злорадно бросил:

– Знаешь, Гурунц, кого ты мне напоминаешь? Лису, которая, не дотянувшись до винограда, обзывает его зелёным да незрелым.

Он изо всех сил хлопнул дверью.

Все молчали.

Арина стояла в дверях своей комнатки и молча наблюдала.

– В восемнадцатом году здесь, у него на глазах, турки зарезали его мать и сестру, – наконец-то нарушил молчание Сагумян. – Сам он спрятался под кроватью. Вместо того чтоб описать это, высасывает из пальца невесть что. Тоже мне мемуарист!.. Отправился доносить.

– Ясное дело, – согласился Гурунц и, не в силах успокоиться, продолжил свой монолог: – Где же наша общественность, Арутюн? Взять хотя бы тебя, бывшего командира партизанского соединения. Что ты обо всём этом думаешь? Что думают коммунисты, которые всё знают и понимают, одна-

ко помалкивают в тряпочку, а когда надо, рукоплещут мудрому руководству? А ведь мы говорим правильные слова, мол, каждый коммунист, каждый член общества несёт ответственность за всё, что бы ни происходило в стране. В чём она, эта самая ответственность? В том, что никто не хочет лезть на рожон? Или, как сказал Гамлет, благоразумие делает каждого из нас трусом?

– Ты, Леонид, год за годом непрестанно протестуешь, пишешь во все инстанции. Хоть чего-то ты добился? – вмешался Сагумян – Дело в том, что бороться со злоупотреблениями поручают именно тому, кто злоупотребляет. И твои протесты и жалобы переправляют чинуше, на которого ты как раз и жалуешься.

Гурунц ответил не сразу.

– Да, так оно и есть. Молодые не знают, но мы-то с тобой помним, как душили беднягу карабахца, как принуждали его брать неподъёмные займы, а потом, чтобы погасить навязанные эти займы, угоняли с подворья несчастного крестьянина последнюю коровёнку или там овцу, сдёргивали со стены дедовский ещё коврик, потрошили тюфяки с одеялами – забирали шерсть, отнимали швейную машинку, отдирали с кровли жёсть, открывая дом всем ветрам и дождям. Жалобы потоком утекали в Москву, но возвращались оттуда в Баку и далее в село, но не затем, чтобы проверить их обоснованность, а чтобы выявить жалобщика и примерно его наказать.

– Всё верно. Правда, она и есть правда, – тяжело закивал

головой Сагумян.

– До Кеворкова в Карабахе хозяйничал Володин – одного с ним поля ягода, вымогатель и крупнокалиберный взяточник. Он не намекал, а прямым текстом требовал и посылал служебную машину за данью. Её составляли куры, яйца, мясо, масло, мёд, сыр, хлеб из тоныра, словом, что его душе было угодно, но более всего – тутовая водка. Знаменитой нашей тутовки ему везли по десять и двадцать литров, однажды он превзошёл себя и велел привезти сорок. Был такой Товмасян, председатель колхоза «Кармир гюх» («Красное село»), – тот, было дело, не выдержал и не только послал собирателя дани куда подальше, но и обложил матом самого секретаря обкома и назвал его вдобавок побирушкой. Этого Товмасяну не простили. Бедолагу выставили из партии, сняли с работы и посадили за решётку. Володин как-то по пьяни бахвалился: «Надо будет, я весь Карабах посажу». И правда, сколько невинных людей лишились из-за него свободы, сколько жизней он угробил. Без толку. Да я и сам не раз говорил и писал о преступных его делах – и с тем же результатом. Глас вопиющего в пустыне, не более того. Не помню случая, чтобы партработник или сотрудник правоохранительных органов хотя бы в одном вопросе, хотя бы раз оказался неправ. Это глубоко укоренённый обычай – они правы всегда и во всём, а ты бейся головой о стену, всё равно ничего не докажешь.

Арина принесла Гурунцу чай и несколько конфет в фаянсовом блюдечке. Он с видимым удовольствием отхлебнул

крепкого, почти чёрного чаю.

– Выходит, Леонид Караханович, вовсе Наири Зарьян не преувеличил, когда воскликнул: «Напрасно ты, Севан, бушуешь непрестанно, твою судьбу с моей решают океаны»?

Гурунц дружески положил руку на плечо Лоранны, с горечью усмехнулся.

– Последнее деление Армении было запланировано на лето тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Это открылось во время суда над Багировым, который руководил республикой ровно двадцать лет.. Перекрестным допросом председателя военного трибунала Руденко выяснилось, что Багиров намеревался Дагестан присоединить к Азербайджану, а так же он сам, то есть Багиров, Берия и Сталин должны были летом 1953 года организовать огромную насильственную депортацию армян из Армении, после чего население в Армении стало бы меньше миллиона, чтобы лишиться прав союзной республики. На вопрос Руденко о том, что таким образом Армению должны были разделить между соседями, Багиров без колебаний ответил, что да, однако смерть Сталина помешала осуществлению этой программы. На новый вопрос Руденко о том, в чем была основа, что побудило объединению вашей, Берии и Сталина намерения, Багиров ответил, что Кремлю было выгодно на Востоке, в преддверии мусульманского мира, иметь такой могучей и верной опоры как Азербайджан.

Гурунц промолчал немножко, спросил:

– Вам приходилось видеть одинокое дерево, стоящее чуть поодаль от леса? В погожую ли пору, в непогоду ли оно вечно беспокойно, словно пытается нащупать ветвями что-то вблизи себя. Мне неизменно казалось, что дерево хочет отыскать опору, надёжную поддержку. Хочет и не может. Проходят годы, сменяют одно другое десятилетия, а дерево стоит себе, потрёпанное ветрами, и по-прежнему гнётся, извивается в поисках. Это Карабах, который триста с лишним лет со времён Исроэла Ори и донныне шлёт делегации, взывает о помощи, требует и протестует. А кругом по-прежнему мёртвая тишина и каменное безразличие. Как одинокое дерево, он ищет опору и надёжную поддержку и гнётся, извивается в поисках, потому что до него не доходит – его судьбу и впрямь решают океаны. Ну ладно, хватит, – оборвал себя Гурунц, – вставайте. Всё, что я сегодня наговорил, я давно уже написал. Хотя... кто ж это будет издавать? Не печатают и не напечатают. Подымайтесь, разговорами делу не поможешь

Гурунц взял старенький, вконец выцветший толстый портфель и первым вышел в коридор.

От лифта навстречу нам двигались, беседуя, ведущие, которым предстояло работать на вечерних передачах, а за компанию с ними и редактор отдела детских программ Тельман Карабахлы-Чахальян – человек с двумя десятками волосков на голове, припухлыми веками, отливающими краснотой вечно бегающими глазками и сморщенными губами.

Лет за пятьдесят, абсолютно бледный и при жёлтом галстуке, он производил впечатление пусть и не полного, но несомненного безумия. Приделай ему тонкие усики с подкрученными кверху концами – и вот он, Сальвадор Дали, собственной персоной.

– Мы на работу, а вы с работы! – Своё философическое умозаключение Тельман изложил на колоритнейшем карабахском наречии, ни капли не сомневаясь, будто изъясняется образцовым литературным языком, и, не здороваясь, прошествовал дальше.

Детство этого самого Карабахлы-Чахальяна прошло в городе Барда, мать его с двумя детьми-малолетками вышла за азербайджанца, образование он получил азербайджанское, окончил юридический факультет университета, поговаривали, что даже проработал несколько месяцев прокурором в отдалённом районе. Затем устроился в одной из азербайджанских редакций на телевидении, а после того как появились армянские телепередачи, его перевели в нашу редакцию. Но как он умудрился закончить университет и как работал до перехода к нам, вообразить было немислимо; над двумя-тремя страничками детской передачи он страдальчески корпел по две недели, и оставалось неразрешимой загадкой, чего ради прежний главный привёл его в армянскую редакцию. То ли его заставили сделать это в КГБ, то ли в ЦК; как бы то ни было, Тельман уже несколько лет подвизался на новой должности и палец о палец не ударял. Про него

наши парни придумали анекдот, порядком насмешивший Гурунца. Будто бы мать взяла Тельмана за руку и повела, как Гикора в туманяновском рассказе, устраиваться на работу к редактору армяноязычной газеты «Коммунист» Гегаму Барсеговичу Антелепяну. «Он хоть буквы-то знает?» – интересуется Антелепян, происходивший из западных армян. «Да что ты, родненький, – отвечает мать, – знал бы, я б его не к тебе повела, а в „Бакинский рабочий“».

Новый главный тоже не хотел с ним связываться. Как-то раз на заседании коллегии зашла речь о безделье Тельмана. Главного разговор очевидным образом огорчил, он провёл по лицу ладонью, словно сбрасывая с себя тяжкую обузу, отвёл глаза в сторону и сказал, как отрезал: «Считайте, что эта тема закрыта. Убедительно вас прошу больше к ней не возвращаться». А мне, разоткровенничавшись, признался: «Ну, не могу я его снять, это выше моих сил».

Втроём – Гурунц, Сагумян и я – мы спустились на лифте вниз и вышли на улицу.

Стоял ясный весенний день, солнце пригревало приятно и не жарко, в тени толстенных лип компания молодёжи попивала чай, с ленцой оглядывая прохожих и нескончаемый поток машин на проспекте, а в глубине парка, под высокой стеной Ичери-шехер ватага школьников наслаждалась в открытом кафе мороженым, оглашая округу беззаботным смехом.

– Он обязан редактировать чужие материалы, но, понят-

ное дело, не редактирует. Ему это не по зубам, – подал Сагумян реплику в адрес Карабахлы-Чахальяна. – Мало того, кому-то приходится переводить, приводить в божеский вид и готовить весь тот детский лепет, который он там и сям уворовал. Он же должен получать ежемесячный свой гонорар!

– Это тоже показатель того, как относятся к нашему народу, – сделал вывод Гурунц. – Относятся, как видите, пренебрежительно. В телерадиокомитете десятки редакций, неужели нельзя было пристроить его куда-нибудь?

– Да ведь он азербайджанских-то букв тоже не знает, – отшутился Сагумян, – кто же станет его держать! Их в отделе двое, он и Геворг Атаджанян, которого ты час назад охарактеризовал. Тот ещё тип, всем недовольный, сварливый. Ну, два сапога пара, целый день они грызутся. Геворг был корректором в литературном журнале «Гракан Адрбеджан», его оттуда попёрли, а мы взяли и влипли.

– А знаете, что в царское время, еще задолго до царского времени, здесь, на месте станции метро «Баксовет», начиная от здания нынешней филармонии до центрального универмага, были русско-армянское кладбище и величественная церковь, построенную царём Вачаганом, где в 1806 году армяне отпевали выброшенное в мусорный бак обезглавленное тело генерала Цицианова, убитого Бакинским ханом. – Гурунц повернулся и, стоя на залитом солнцем тротуаре, долго и пристально вглядывался в здание, где располагалась редакция, в который уже раз оценивая соразмерность и гармо-

ничность его частей, сводчатые окна, украшенные резьбой стены, барельефы. – Жизнь – это мгновенье между будущим и минувшим, не больше того, – запустив пальцы в непокорную густую шевелюру, сформулировал он, о чём думал, и его лицо выразило глубокое сожаление. – Знаете, в чём очарование молодости, её тайна? Мне сдаётся, не в том, что перед тобой шанс и перспектива всё на свете сделать, а в том, что ты думаешь – я всё сделаю. Человек живёт мечтами. Молодому хочется жить и радоваться, хотя молодость, она сама по себе уже радость, зрелому хочется жить в довольстве и комфорте, старику хочется лишь одного – жить подольше. Помню как сегодня – ты молод, всё впереди, ты летишь сломя голову вверх-вниз по этим лестницам. А нынче каменные ступени стёрлись, точно сама жизнь. Я проработал здесь ни мало ни много восемь лет, ещё не было телевидения, служил я в редакции русских радиопередач. Вообще передачи велись поровну на трёх языках – армянском, русском и азербайджанском, председателем радиокomiteта был армянин по фамилии Ованнисян, был и секретарь ЦК армянин, если не ошибаюсь, Арушанов. А до Багирова, между прочим, после Кирова первым секретарём ЦК был Левон Мирзоян, родом из карабахской деревни Ашан. Его на этом посту тоже армянин заменил- Рубен Гукасович Рубенов. В тридцать седьмом году угроби́ли их Берия с Багировым. А знаешь, чей это дом?

– А то нет! – Сагумян, похоже, даже обиделся. – Таких

вещей наш Лео может не знать, а мне сам Бог велел. Дом этот принадлежал братьям Мирзабекьянам, и в нём насчитывается девятьсот девяносто девять комнат. Помимо нашего комитета, здесь расположены десятки учреждений, включая прокуратуру, министерства, проектные институты. Проще сказать, чего здесь нет. И, кстати, все тринадцать зданий в этом ряду, одно другого краше, принадлежали в своё время армянам – Будагьянам, Шахгельдянам, Тер-Акоповым... А вот это – дом Тумянянов, следующий – тер-гукасовский, вплоть до пятьдесят третьего года в нём жил Багиров, а сейчас его отдали под картинную галерею. А дом у моря, ниже по этой же улице, где сейчас правление «Азнефти», он принадлежал карабахцу Арамянцу. Ещё дальше стояла управа армянских приходских школ. А если идти к Баксовету по нынешней улице Горького (прежде она звалась Армянской), там один за другим красовались армянское человеколюбивое общество, армянская церковь и особняк Манташева. Да, Манташев... Это ведь он на свои средства выстроил от Баку до Батума нефтепровод протяжённостью 835 километров. До революции сотнями бакинских домов, среди них и нынешние филармония имени Магомаева и театр оперы и балета имени Ахундова, владели армяне. Говорят, Габриэл Тер-Гукасов попросил архитектора Тер-Микелова так спроектировать помещение, где ныне летний зал филармонии, чтобы, сидя за чашкой чая на балконе своего особняка, что чуть поодаль, он слушал бы музыку. Это и называют ирони-

ей судьбы. Потому что в дальнейшем его палач Мир-Джафар Багиров так именно и поступал – распивал чай на балконе тер-гукасяновского дома и наслаждался музыкой, доносившейся из построенного Тер-Гукасовым мраморного зала. Видишь вон то великолепное здание напротив филармонии? Его тоже построил архитектор Тер-Микелов. В тридцатые годы в нём находился ЦК, руководимый всё тем же Багировым.

– Всё так и было, – подвёл итоги Гурунц. – В пятом и восемнадцатом годах вырезали тех, кто построил эти дома и кому они принадлежали, и завладели всем имуществом убитых: заводами, фабриками, магазинами, конторами. – Голос Гурунца надломился. – А тех, кто чудом уцелел, расстреляли по указке Багирова и Берии либо сплывили в Сибирь на погибель. Вернуться никому не довелось.

Всю дорогу до метро мы молчали.

Ну и ну! – вдруг ахнул Гурунц. – Сколько лет я его не видел, а он ни чуточки не переменялся...

Мы невольно проследили за взглядом Гурунца. К нам на диво энергичным шагом направлялся высокий, слегка сутулый старик.

– Кто такой? Я его не знаю, – прищурившись, любопытствовал Сагумян.

– Я только что рассказывал, как армян убирали рукой армян. Вот извольте, чекист Асцатуров, Давид Аветович Асцатуров. Слыхали?

– Тот, кто Тевана...

– Именно тот, кто погубил Тевана Степаняна, благодаря которому армянство Карабаха не было всё-таки под корень истреблено турками и мусаватистами. Враг, он среди нас, Арутюн, самый коварный наш враг – среди нас. Дерево бы не рухнуло, не будь топориче деревянным. Кто страшней всего для народа? Собственные его подонки.

Между тем старик, поравнявшись с нами, прошёл бы мимо, но Гурунц остановил его.

– Как поживаете?

– Всё в порядке... – Смутившись, человек остановился и неуверенно обвёл нас одного за другим глазами. – Что-то я вас не признаю, – несколько виновато сказал он, – не припоминаю.

– Мы работаем в армянской газете «Коммунист», – зачем-то сочинил Гурунц. – Как вы?

– Спасибо, помаленьку. В прошлом году получил орден на своё семидесятипятилетие, а в этом победил на республиканских соревнованиях по стрельбе.

Сагумян искренне поразился.

– Вам никак не дашь семидесяти пяти, – только и сказал он. – Вы смотрите куда моложе меня.

– Потому что спортом занимаюсь, – объяснил старик. – После шести не ем, ежедневно холодный душ, зарядка, ну а вечерами пишу мемуары.

– О чём, если не секрет? – Гурунц явно старался разгово-

рить его.

– О своей жизни, – не колеблясь, ответил Асцатуров. – Материала у меня – хоть отбавляй. Я, к примеру, участвовал в депортации татар из Крыма в Среднюю Азию, точнее в Узбекистан. А сразу после татар выселяли греков, болгар и армян. Армян-то, положим, было немного, всего девять тысяч шестьсот двадцать один человек. Существовал секретный договор, по которому Крым должны были отдать евреям, но Сталин потом изменил мнение. Чеченцев с ингушами выселяли – в сорок четвёртом, в день Советской армии, 23 февраля. Расскажу вам интересный случай, едва ли вы знаете. Разыгралась метель, из аула Айбах народ надлежало доставить на железнодорожную станцию, а в горах заносы, грузовики не пройдут. И что вы думаете? По приказу Богдана Кобулова, тогдашнего замнаркома внутренних дел, всех жителей аула, мужчин, женщин, детей, общим числом семьсот тридцать человек, загнали на конеферму, заколотили досками все входы-выходы, окружили ферму плотным кольцом, солдаты с оружием стояли в полутора метрах один от другого, чтобы мышь не проскочила. Ну и подожгли. Доставить-то людей до вагонов не было никакой возможности. На всё про всё дали нам двадцать четыре часа, и другого варианта тут не придумаешь... Я с разными людьми в жизни встречался, про то и пишу. Всякое случалось. Я во время ликвидации одному врагу пулей брюхо разворошил. Была у него девушка любимая, так она ему громадной какой-то

иглой живот зашивает, а он орёт благим матом и стреляет по нам. Или другой случай. Поймали одного в Персии, посадили здесь во внутреннюю тюрьму. Он и просит, позвольте, мол, в последний разок на отчий дом глянуть. Он был сыном богатого нефтепромышленника. Ну что ж, отвезли мы его, долго он смотрел из машины, на глазах слёзы, головой качает. А потом возьми да умри, разрыв сердца.

– Про Тевана не пишешь? – по-свойски, даже по-дружески спросил Гурунц.

– Про Тевана Степаняна? – воодушевился старик. – Как же про такое не написать? Он был офицером дашнакской армии, до этого, в царской ещё армии, воевал на турецком фронте, а потом затеял свои контрреволюционные делишки. Про зангезурца Гарегина Нжде вы наверняка слышали, он умер в пятидесятые годы в знаменитом Владимирском центральном. Так Теван делал в Карабахе примерно то же, что Нжде в Зангезуре, подымал народ, пытался воссоединить Карабах с Зангезуром и всей Арменией. Сколотил войско и выступил против одиннадцатой Красной армии, занял все кряду сёла в Дизаке и Варанде, дошёл до Аскерана... Короче говоря, – старик глубоко втянул воздух, восстанавливая дыхание, – наша ЧК два раза его арестовывала, и оба раза ему удавалось уйти. Председателем ЧК был тогда Багиров, а Берия – его заместителем. Так они самолично поехали в Туми, на родину Тевана. Понапрасну. Позднее, в двадцать девятом или тридцатом, Багиров с небольшим отря-

дом снова поехал в Карабах, пробыли там украдкой два дня, но до Тевана так и не добрались. Они Тевана не взяли, а я взял. Правда, гораздо позже, одиннадцать лет спустя.

Старик умолк, оценивая, то ли впечатление, какого он ожидал, производит его рассказ. Помолчал и продолжил:

– Теван то и дело менял имена и укрытия, отсиживался то на севере Ирана, то на юге, то в армянских сёлах близ Багдада. Осенью сорок первого, в начале ноября, он работал техником-строителем в административном центре Мазандарана города Сари. Из-за сложившейся в Иране ситуации стройка прекратилась, и Теван собрался уехать в Шираз к англичанам, а из Шираза – в Америку. Но мы поставили ему западню, – ухмыльнулся старик, – подослали агента-армянина, который тоже вроде бы рвался в Шираз. Да не тут-то было. Водитель, которого он отыскал, якобы не соглашался гнать машину в такую даль ради одного пассажира. Найдите, говорит, ещё попутчиков, тогда поеду. Тот и нашёл Тевана. Договорились мы с нашим агентом, что будем ждать его в условленном месте километрах в десяти от Тегерана. Мы стоим у машины, подняли капот, словно мотор у неё барахлит. И тут показывается их машина и медленно проезжает мимо. В эту минуту я на карабахском наречии произношу что-то вроде пароля: «Вот незадача-то, застряли на пустыре». Теван услышал, велел остановить машину, весёлый такой направился к нам со словами: «Не бойтесь, я вам застрять на пустыре не дам». И не успел он склониться к мо-

тору, я обхватил его сзади, а двое крепких молодцов с агентом нашим, не мешкая, скрутили его по рукам и ногам. Он только и выдохнул: «Ох и твари же вы гнусные». Да нам его брань без интересу. Сунули его в мешок, перевязали сверху, довели в таком виде до Тегерана, оттуда по приказу Алиева – самолётом в Баку. Не нынешнего, понятно, Алиева, а его тестя – Азиза Алиева, который руководил в те годы нашей миссией в Иране.

Старик опять перевёл дух.

– У Тевана обнаружили толстую тетрадь, исписанную мелким почерком и озаглавленную «Забывтый герой». На допросе он ни в чём не признался, вот и предъявили ему как обвинение этот дневник. А как-то раз, – хмыкнул Асцатуров, – его допрашивали тридцать пять часов без передыху, за это время сменилось несколько следователей. И всё равно следователь Ишханов не выдержал и задремал. Открывает глаза – Тевана нет. Шум, переполох, в городе тревога; нет как нет. Уборщица видит – под лестницей кто-то спит. Кто? Теван! Он пытался сбежать, да у дверей стоял охранник, он спрятался под лестницей, чтобы переждать, и заснул. Багиров собственноручно расстрелял его у себя в кабинете, а семью выслали в северный Казахстан.

– А почему Багиров, во время правления которого в Азербайджане погибло около ста двадцати тысяч человек, в основном армяне, курды, лезгины и талиши, Берия и ты не задержали Хосров-бека Султанова, по приказу и при лич-

ном участия которого было истреблено население Хнацаха, Дашушена и армянских сёл Каракшлах, Параджанц, Арар, Минкенд, Спитакашен и Петросашен, лежавших между Карабахом и Зангезуром? – неспешно, словно б успокаивая себя, спросил Гурунц. – Арар, который находится в западной части Гадрутского района, через село Корнидзор Горисского района связывал Карабах с Арменией и до восемнадцатого года насчитывал тысячу семьдесят восемь жителей. Мусаватисты разрушили его, и позже стараниями помянутого тобой Мирджафара Багирова он был выведен из области и со своими выжившими восьмьюдесятью пятью жителями присоединён к нынешнему Физулинскому району. Как такое случилось? И почему вы не схватили этого слепого на один глаз Султанова, ведь это под его предводительством турецкие аскеры и пять тысяч хорошо вооружённых конных курдов подчистую вырезали большое армянское село Кайбалишен, что в двух километрах от Шуши, и примыкающие к Степанакерту деревни Пахлул и Кркжан, истребив шестьсот беззащитных женщин и детей, единственной надеждой и прикрытием которых и был отряд Тевана. Разве не твой армяноненавистник Багиров позднее заселил эти и другие армянские села Карабаха пятью тысячами специально вывезенных из Армении кочевых турок? И разве не тот самый курд Султанов, который сжёг Шуши, вырезал многие тысячи его жителей и велел обезглавить местного батюшку Ваана? Голову несчастного священника дикая толпа насадила на кол и так разгу-

ливала по городу. До чего же точно вас Теван припечатал, – сухо и жёстко сказал Гурунц, с презрением глядя на старика. – Вы и впрямь гнусные твари. Скверные людишки.

Застигнутый врасплох старик отпрянул, изумлённо поднял брови, его гладко выбритое увядшее лицо напряглось. Он испытующе и с подозрением уставился на нас и, стремительно повернувшись, удалился своим отнюдь не по-стариковски бодрым шагом.

Всю дорогу до метро мы молчали.

– Ладно, я пойду, – у метро сказал Гурунц, устало глядя вслед старику. – Это же надо, сжечь целую деревню, старых, малых, всех до одного. Ну и какая, скажите на милость, разница между эсэсовцами, фашистами и этими? Впрочем, разница всё-таки есть. Те зверски обращались с противником, врагом, а эти – с собственным же народом. Одно слово – нелюди. – — И, резко поменяв тон и тему, Гурунц обратился ко мне: – Мужчины вроде меня женятся сдуру, разводятся от нетерпенья, а снова женятся, потому что память коротка. Так что мотай на ус. – И он шутливо наказал мне: – К следующему моему приезду непременно женись. У женитьбы, конечно, свои минусы, но долго мотаться холостяком ещё хуже. В мужской судьбе одно из двух – или быть холостым и несчастным, или жениться и свету невзвидеть... Следуй совету Сократа – что бы то ни было, женись. Попадётся хорошая жена, станешь исключением из правил, а плохая – философом. – Он засмеялся и обнял меня: – Хорошо сказано!

А тебе, – сказал Гурунц, пожимая руку Сагумяну, – желаю здоровья. Надо всё вытерпеть и собственными глазами увидеть, чем это кончится. Ну, мы ещё встретимся! – И он многозначительно поднял палец.

быть холостым и несчастным, или жениться и свету невзвидеть... Следуй совету Сократа – что бы то ни было, женись. Попадётся хорошая жена, станешь исключением из правил, а плохая – философом. – Он засмеялся и обнял меня: – Хорошо сказано! А тебе, – сказал Гурунц, пожимая руку Сагумяну, – желаю здоровья. Надо всё вытерпеть и собственными глазами увидеть, чем это кончится. Ну, мы ещё встретимся! – И он многозначительно поднял палец.

Расставаясь с человеком, и мысли в голове не держишь, что, может статься, никогда больше с ним не поговоришь. А с Гурунцем у нас так и вышло. Нам уже не выпало свидеться.

Мы проследили издали, как Гурунц вошёл в метро, повернулся, и мы на прощанье помахали друг другу рукой.

– Сколько знаю, он всегда был таким, – сказал о Гурунце Сагумян, задумчиво поглаживая бородку. – Родителей его в 37-м арестовали, сам он прошёл всю войну вплоть до Берлина, но как был прямым, принципиальным, смелым и непримиримым, так и не изменился. Столько же времени я знаю Самвела. Лизоблюд и подхалим. Если дело пахнет копеечной выгодой, никого не пожалеет, ни перед чем не остановится. Два противоположных полюса, и жизнь у них соот-

ветственно сложилась. Один в довольстве и почёте, а на другом истрёпанное старое пальтецо.

До поздней ночи готовил я сценарий телепередачи об открытии памятника в Бегум-Сарове, с утра понёс его Арине напечатать на машинке.

Дверь её комнатки, ведущая в общий отдел, была приоткрыта; было слышно, как Арина мурлычет себе под нос очередную популярную песенку: «Ты мне солнце, ты мне свет, без тебя мне жизни нет».

– Всё утро соловьём заливаешься, работать не даёт, – беззлобно пожаловалась Лоранна. – Вчера бывший сделал ей комплимент, вот и закружилась, наверное, голова.

– С песней работается в охотку, – сказал Тельман Карабахлы-Чальян, он же, если угодно, Сальвадор Дали. – Спросили у воды: ты чего журчишь и журчишь, она в ответ: у меня приятель – камень. Это ничтожество Геворг Атаджанян столько трепался с чужими жёнами, что телефон из строя вышел, – сказал он, оправдываясь. – Я от вас позвоню.

Тем временем Арина распахнула дверь своей комнатки и радостно поздоровалась.

– Кто это тебе свет и солнце? – любопытствовал я.

– Ты, кто ж ещё, – сказала она со значением. – Заходишь и не здороваешься.

– Ну, здравствуй!

– Привет! – с гримаской ответила она. – Ты сегодня на месте? Сильва придёт.

– В котором часу? Встретим её на первом этаже с оркестром.

Арина кривила губы в поисках ответа.

– Чего ты цепляешься к нашей семье?

– По велению Божию! – Я подал Арине листки со сценарием. – Два экземпляра, один режиссёру.

Тельман ушёл к себе, мы остались втроём.

– Что я слышу, Арина, бывший расточает тебе комплименты! Как сие понимать?

Арина метнула на Лоранну бешеный взгляд, однако предпочла воздержаться при мне от выяснения отношений.

– Какое тебе, спрашивается, дело до впавшего в детство маразматика? – за глаза уязвила Лоранна нашего бывшего, при этом обостряя разговор.

– Да бросьте, что ж он сказал?

– Что да что... Сказал, какие, мол, у тебя красивые чёрные глаза, – расплылась наконец Арина в довольной улыбке.

– Тебе?

– Мне, – с гордостью подтвердила девушка.

– Не верь, у него вкуса нету, – сказал я. – Он уже в том опасном возрасте, когда все женщины кажутся красавицами. Не верь.

– Не верь... – скривила губы Арина.

– Молодец Гурунц, поставил его вчера на место, – сказала Лоранна. – Как он взбеленился! Покраснел как рак.

– Пусть знает, – сказал я, подмигивая Лоранне, – каково ни за что, ни про что оскорблять человека. «Красивые чёрные глаза», тоже мне.

– Но ведь у Арины и вправду красивые глаза, – будто бы защищая её, с ехидцей сказала Лоранна. – Погляди хоть анфас, хоть в профиль, ни дать ни взять героиня Соломоновой Песни песней: «Дщери иерусалимские! Черна я, но красива. Я нарцисс саронский, лилия долин. Если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? Что я изнемогаю от любви». Посмотри хорошенько, Лео, разве не красивы эти глаза?

– Если галантный кавалер под восемьдесят находит, что они красивы, – сказал я, стараясь остаться серьёзным, – будем считать, что так оно и есть.

Арина с грохотом захлопнула дверь, а Лоранна виновато сказала:

– Она меня убьёт, Лео. Зачем ты предал меня?

Я знал Арину вспыльчивость, её приступы проходили стремительно, почти сразу.

– Не бойся, – успокоил я Лоранну. – Через две минуты всё забудется.

И правда, не успели мы договорить, Арина вышла из своей комнатки с машинописной страницей в руке.

– Вы только послушайте, этот человек вконец из ума вы-

жил. Видели бы вы, как он дрожащими руками собирает свои бумаги. Я ему говорю, Самвел Атанесович, не стоит вам приходить каждый день, не мучьте себя, оставьте рукопись. Придёте, когда я закончу. Нет, говорит, это невозможно, мои мысли разворают. В гробу я видела твои мысли, – выругалась в сердцах Арина. – Сейчас прочту вам кое-что из его творений. «Стояла осень сорок второго года, сентябрь или октябрь месяц. Жена Аня пообещала утром сварить толму с виноградными листьями, которую я очень люблю („Добрая половина его воспоминаний про еду и питьё“, – прокомментировала Арина). Работал я в радиокомитете и, придя с работы, уже в подъезде уловил запах толмы. Мы жили в коммунальной квартире на втором этаже на бывшей Каспийской, ныне улица Шмидта. Что же я увидел на кухне? Над керосинкой склонился одорукий молодой человек в шинели и с костылём под мышкой, скорее всего дезертир, бежавший из армии, и с невероятной скоростью пожирал нашу толму. Я кинулся в комнату, где держал за дверь длинную палку, и, вернувшись на кухню, принялся осыпать вора ударами по спине, по голове, словом, бил куда ни попадя. Рассёк ему в двух местах голову, кровь хлынула ручьём, он тщетно пытался защищаться. Да и как тут защитишься – с одной рукой, хромоногий, при костыле? Поднялся шум-гам, прибежали соседи и вместо благодарности, ведь я же поймал вора, начали бранить и поносить меня. Я позвонил в милицию, вора забрали. Что с ним стало, мы так и не узнали».

– Такие люди не имеют права жить, – побледнев от негодования, сказала Лоранна и повернулась к Арине: – Как ты только печатаешь этот кретинизм?

– Депутат и член президиума Верховного Совета, – вышла из себя Арина. – Чтоб ты сквозь землю провалился, бессовестный. Он и правда сбрендил.

– Ну, это и по его комплиментам видно, – сострил я.

Арина засмеялась.

– Лео, Сильва скоро придёт, – дружелюбно сказала она. – Пожалуйста,, сходи в бухгалтерию, поговори.

– Ладно.

Спустился в бухгалтерию, условился с Сеидрзаевой. Место счетовода по-прежнему оставалось вакантным, она пообещала непременно нам посодействовать. Едва вернулся, ко мне зашла Лоранна – благоухает дорогими духами, губы ярко накрашены, а в руках бумаги.

– Лео, главный поручил нам вместе посмотреть этот материал.

– Что за материал?

– Передача про гастрологи ереванского театра юного зрителя в Баку. Я его уже подготовила.

– Садись, читаем.

Я сел на своё место, Лоранна устроилась напротив, небрежно закинув ногу на ногу.

– Какие у тебя красивые руки, Лео, – сказала она.

Я взглянул на неё и улыбнулся:

– Если материал никуда не годится, всё равно забракую.
Лоранна рассмеялась:

– И пальцы у тебя тоже красивые. Как ни взгляну на них, изящные и длинные, восхищаюсь и завидую.

– Только и всего? Других достоинств у меня нет?

– Достоинств у тебя много. – Лоранна посмотрела на меня своим мягким сердечным взглядом. – Высокий, мужественный, чуткий, деликатный, красивый. А ещё искренний, отзывчивый, не скупой. Перечислять дальше? Временами, Лео, я думаю, как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя счастливым. Доброе слово, фраза или даже взгляд либо, скажем, улыбка, и сразу кажется, что весь мир – твой... Упустила в перечне твоих достоинств очаровательную, необычайно красивую улыбку, когда ты искоса поглядываешь из-под бровей и снисходительно и благосклонно улыбаешься.

– Осыпай десятками комплиментов женщину, она небрежно тебя поблагодарит, и всё, тогда как для мужчины пустячного комплимента достаточно, чтобы запомнить его на всю жизнь.

– Если ты когда-нибудь меня забудешь, то хотя бы вспомнишь мои комплименты, – рассмеялась Лоранна. – Знаешь, что рассказывала про тебя Арина? Когда, говорит, я впервые увидела Лео, почувствовала в груди обжигающий удар, и мне на миг показалось – моё сердце остановилось.

– Ладно, дай сюда текст. Кто читает, я или ты?

– Ты. Хочу всё время слышать твой притягательный голос... Одно тебе скажу, Лео, только не смейся. Почему так происходит, сама не пойму – десять влюблённых мужчин у твоих ног, а ты их даже не замечаешь, они тебе не нужны, тебе необходим одиннадцатый, тот, который и не смотрит в твою сторону. Удивительно, правда? Можно закурить?

– Кури. Только выключи кондиционер.

Лоранна вытянулась во весь рост, обнажив белые ляжки, выключила кондиционер и, став у окна, закурила.

– Когда начинаются гастроли?

– Собственно говоря, это не вполне гастроли, – пояснила Лоранна. – Они покажут лишь один спектакль – «Наш уголок большого мира» Гранта Матевосяна. Но я рассказываю о театре вообще, о пройденном им пути, репертуаре и, в частности, об этой постановке. Я воспринимаю театр как одну из форм общественного сознания, как искусство перевоплощения, искусство звучащей со сцены устной речи. Вчера утром я встретила в гостинице с главным режиссёром. У них есть уже готовая лента, мы прокрутим её и проведём интервью с режиссёром и ведущими актёрами, занятыми в спектакле. Передача пойдёт в прямом эфире, главный хочет, чтоб интервью провёл ты.

Текст был неплохо написан, я сделал два-три мелких замечания, с которыми Лоранна согласилась.

– Кто из актёров участвует в передаче?

– Виолетта Геворкян, Ким Ерицян, Весмир Хачикян,

Жасмен Мсрян и сам режиссёр-постановщик Арташес Ованнисян.

Я связался по внутреннему телефону с главным.

– Владимир Гургенович, мы с Лоранной просмотрели материал про ереванский ТЮЗ, написано неплохо, и, по-моему, Лоранна сама должна провести передачу.

Лоранна растроганно посмотрела на меня и улыбнулась.

– Если считаешь, что так целесообразней, – отозвался главный, – то я не против. А ты, Лео-джан, если свободен, зайди ко мне на минутку, надо переговорить.

Мы с Лоранной поднялись одновременно. У дверей, почти прильнув ко мне и обдав своим ароматом, она в смущённом недоумении посмотрела на меня и нежно произнесла:

– Лео, почему ты такой хороший?

На её внезапно зардевшемся лице проступило нечто далёкое и загадочное. Она тяжело дышала, в зеленовато-голубых глазах и на полуоткрытых, упрямых, чётко очерченных губах появилась обворожительная улыбка, она смотрела искоса, прищурив глаза...

Главный завёл речь о Тельмане Карабахлы-Чахальяне, верней, его вчерашней детской телепередаче.

– Ты видел её? – спросил главный.

Я не смотрел передачу. Он покачал головой, расхаживая по просторному кабинету взад-вперёд.

– В комитете есть замечательные ленты. Сидят вдвоём

без дела, ленятся даже зайти в фильмотеку, познакомиться с тем, что там есть, и выбрать подходящий ролик. Пичкают детей скучнейшим текстом, иллюстрируя его фотографиями. Разве так можно? Их передачи наводят тоску не только на детей вообще, но и на младенцев до ясельного возраста, – не унимался главный. – Безобразие, сущее безобразие!

– Владимир Гургенович, я и сам многократно говорил с вами на эту тему, но, что называется, безуспешно, на коллегии тоже не раз поднимался вопрос о его лени, несостоятельности, нежелании работать. Коль скоро вправду невозможно перевести его в другую редакцию, коль скоро мы почему-то обязаны держать его у себя и обеспечивать гонорарами, то я предлагаю больше не давать в телеэфир ни одной передачи, где он выступает автором. Пусть пишет что угодно – сказку, рассказ, передавать это только по радио. Другого выхода не вижу, хотя и радиослушателей тоже жалко.

– Согласен. На ближайшей коллегии примем решение. Была б возможность, избавились бы от обоих.

Сильва появилась сразу после перерыва.

– А вот и Сильва, – представила её Арина.

Невысокая, скуластая, в платье с глубоким вырезом на пышной груди, с чёрной мушкой величиной с булавоочную головку над уголком сексуального рта, с густо намазан-

ными вишнёвой помадой губами, обведёнными тушью глазами, яркими тенями на веках, длинными тщательно загнутыми ресницами. По всему было видно, что она приложила немало усилий, чтобы произвести впечатление.

– Вы принесли документы?

– Да. – Инстинктивно стараясь вызвать к себе симпатию, она пристально взглянула на меня, улыбнулась, медленно и торжественно извлекла из сумочки паспорт, трудовую книжку, диплом и положила передо мной на стол.

– Пойдёмте, – взяв документы, сказал я.

– Мне здесь подождать? – отчего-то смешавшись и даже подавленным тоном спросила Арина и сама себе ответила: – Нет, лучше я пойду к себе, нужно кое-что напечатать. Сильва, зайдёшь ко мне.

Мы прошли по длинному людному коридору, спустились по лестнице на четвёртый этаж, свернули там налево, миновали ярко освещённый широкий коридор с нескончаемой чередой дверей по обе стороны, в конце снова повернули налево и, следя за табличками на закрытых дверях, остановились перед дверью, на которой чёрными буквами значилось «Бухгалтерия». Я открыл дверь и пропустил Сильву вперёд. Из прихожей были видны все три комнаты, занятые бухгалтерией. В кабинете Сеидрзаевой, где на столе были разбросаны кипы различных бумаг, толстые папки и стоял компьютер с прыгающими разноцветными полосами на мониторе, никого не было.

– Она сейчас придёт, – сказала с солнечной улыбкой на эротической мордашке Альвина Осипова из соседней комнаты, вытянув шею и продолжая жевать жвачку; глазами она озорно спрашивала: кто это?

В ожидании главного бухгалтера мы снова вышли в шумный коридор.

Из репетиционных залов доносились обрывки песен и музыки. Где-то за толстыми стенами глухо и ласково звенел детский хор: «Джу-джу-джуджальярим, мяним гашанг джуджальярим, джу-джу-джуджальярим...». Потом послышались сладкозвучные переливы Баба Мирзоева: «Ах ты, Телло, Телло-джан, Телло»...

– Привет, старик! – Это был Сиявуш из русской редакции телепередач.

Я обернулся на голос.

– Здорово, Сиявуш! – весело приветствовал я его. – Ты где пропадаешь, уже две недели тебя не видно.

– Перевёлся в Союз писателей, – ответил он, бросил мимолётный взгляд на Сильву и кивком с ней поздоровался.

– Почему? – огорчился я. – Здесь чем было плохо?

– Там я свободнее. Работа начинается в десять часов и кончается в четыре. Всего, включая перерыв, шесть часов. И ещё день в неделю – творческий. Условий, чтобы писать, куда больше. Да и работа лёгкая – советник председателя союза. Послушай, старик, – поправив указательным пальцем очки, сказал Сиявуш. – Мне тут рублей четыреста предсто-

ит получить за сценарий. Два раза приходил, а денег нет. За-
молви за меня словечко Саиде, она тебе благоволит и не от-
кажет.

– Замолвлю.

– Сотню пропьём, триста домой отнесу. Ты же знаешь,
Сиявуш своему слову хозяин. – Он иной раз говорил о себе
в третьем лице.

– Договорились. Я как раз её жду. Вечерком позвони.

– Э-э, какой из тебя домосед, – многозначительно сказал
Сиявуш и рассмеялся – дескать, вижу, чем ты занят.

– Кто это? – спросила Сильва после его ухода.

– Сиявуш Мамедзаде. Поэт, окончил Литературный ин-
ститут в Москве. Замечательный парень. Другого такого нет.

– Лицо приятное и знакомое.

– Видели его по телевизору. Он ведёт литературные пере-
дачи.

– Наверное... Арина много о вас рассказывала, – не ожи-
данно сказала Сильва и, подняв глаза, вновь пытливо погля-
дела на меня.

Пауза.

– Знаете, она часами готова о вас говорить.

Снова пауза.

– Я начинаю её понимать, – заговорила она вновь и без
перехода спросила: – А я здесь голову не потеряю?

– В каком смысле? – не понял я.

Сильва прыснула, прищурилась, покусывая толстогубый

кумачовый рот.

– В том смысле, что красивая женщина может потерять голову в обществе красивых мужчин.

– Напрасно беспокоитесь, – хмыкнул я. – В бухгалтерии одни женщины.

– Это хорошо, – легко вздохнула Сильва. – А то, знаете, муж у меня страшный ревнивец.

Она довольно простодушно разыгрывала роль привыкшей к обожанию женщины. Я понимал это, но смолчал, ибо ко мне это не имело никакого касательства.

– Знаете что, – едва разлепляя губы и смиренно глядя снизу вверх, продолжала Сильва, – если сотня людей отзывается о тебе хорошо и лишь один плохо, то окружающие как раз этому одному и поверят. И обрадуются. Да что уж, интересным мужчинам и красивым женщинам пересудов не избежать.

Дверь отдела кадров открылась, оттуда выплыла Сеидрзаева.

– Саида, мы вас ждём, – сказал я. Во рту у неё тоже была жвачка; сомкнув губы, она на ходу лениво двигала челюстями.

– Вот об этой девушке речь? – по-армянски спросила Сеидрзаева, поравнявшись с нами. Её мать была армянкой, и она свободно владела армянским языком.

– Да, она самая. С позволения сказать, гражданка Дарбинян. Вот её документы.

– Пошли, – сказала Саида, – окинув Сильву оценивающим взглядом. Потом перевела взгляд на меня и двусмысленно улыбнулась. Синевато-серые джинсы сидели на ней до того плотно, что швы на бёдрах местами чуть не полопались.

В кабинете Саида пробежала глазами документы Сильвы.

– Бухгалтерского стажа у вас нет, – перелистав трудовую книжку, сказала она деловито. – Примем вас пока счетоводом, вы подучитесь, и через несколько месяцев переведём помощником бухгалтера. Я переговорю в отделе кадров. Думаю, председатель комитета не будет возражать. О результатах я сообщу Лео. Надо будет написать заявление, заполнить анкету. Всё это, конечно, потом. А пока так. Чем ещё могу быть вам полезна? – Вопрос относился ко мне, и Саида улыбалась.

– Не мне, а Сиявушу Мамедзаде. Ему никак не удаётся получить у вас деньги. Если можно, окажите, пожалуйста, такую любезность.

– Передайте, пусть приходит, – она широко улыбнулась. – А соберётесь отметить, не забудьте за меня выпить.

– Спасибо! Не забудем.

В конце дня Арина зашла ко мне. Она была не в настроении.

– Что случилась, Арина? – забеспокоился я.

– Случилось... ничего не случилось. Просто не стоило мне приводить её сюда.

– Кого? – спросил я, разумеется, понимая, о ком идёт

речь.

– Сильву.

– Почему?

– Почему... потому что она смотрит на тебя как шлюха, – со злостью выпалила Арина.

Не в силах сдержаться, я громко засмеялся. Позже по пути домой и даже в автобусе на Сумгаит опять и опять смеялся, вспоминая злость Арины, яростную её вспышку, внезапную, словно взрыв, и чувствуя к ней родственные чувства и неподдельную нежность.

Отец давно пришёл с работы, но, дожидаясь меня, за стол не сажился. Обнял меня, похлопал по спине и, довольный, ходил по комнате, пока я переодевался.

– Мы ждали тебя на прошлой неделе, – отец укоризненно, но без обиды посмотрел на меня и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Знаешь ведь, больше месяца мы разлуки с тобой не выдерживаем.

Мама со смехом заглянула из кухни в комнату:

– Бог весть, в кого он уродился. Твой брат Володя, муженёк, клал перед собой двухкилограммовую курицу, а дети следили за ним с открытыми ртами, уплетал её за обе щеки. И, пока сам не наестся, не даст им ни кусочка. А этот – будто другая мать его на свет явила. Только дети на уме. У нас,

Лео, все деньги на телефон уходят. Неделя звонками начинается – Чаренцаван, Ставрополь, Баку – и звонками кончается.

– Молчи, женщина, делом своим займись, – сказал отец и подмигнул мне. – Смотри, какой я коньяк купил. «Юбилейный». – Он достал из буфета и поставил на стол бутылку с золотыми армянскими буквами на этикетке. – Сын мой приехал. Вдвоём и выпьем.

– Можно подумать, целый год не виделись, – слышался с кухни голос мамы. – Отсюда до Баку каких-то двадцать пять километров.

– Длинные волосы, короткий ум – о ком это сказано? – усмехнулся отец. – Для меня месяц всё равно что год. Сердце у меня слабое, не выдерживаю. Точка.

– Точка, – со смешком сказала мама, входя в комнату, и принялась накрывать на стол. – Ты почему на прошлой неделе не приехал?

– Гость у меня был из Еревана.

– Кто такой? – спросил отец.

Не мог же я рассказывать ему об Армене.

– Писатель Леонид Гурунц.

– Гурунц? – удивился отец.

– Да, – подтвердил я. – Наказал мне жениться к следующему своему приезду.

– Хорошего человека сразу видно, – обрадовался отец. – Вот что значит доброе сердце. Человек таким и должен быть.

Знаешь, скольким он сделал добро. Стало быть, ты видел Гурунца.

– К нам иногда приезжает Сурен Айвазян. А недавно был и Серо Ханзадян. На нашем наречии говорит.

Отец с гордостью посмотрел на мать.

– Видишь, с какими писателми знаком твой сын? – Он наполнил рюмки. – Выпей и ты с нами.

– Да ты сдурел, – осерчала мать. – Этого только мне не хватало.

– Ну и не пей, – бросил отец. – Плохо ли, нам больше достанется. – Он засмеялся, занял место во главе стола и поднял рюмку. – Выпьем за родителя, чей отпрыск носит доброе имя, и за отпрыска, который не роняет чести родителя. – Отец удовлетворённо посмотрел на меня, чокнулся со мной, но не выпил. – Есть у меня знакомый, человек приличный, трудолюбивый. Так вот он со слезами на глазах сказал своему сыну, беспутному пьянице, которому от роду тридцать лет: лучше б я умер в тот день, когда ты родился. Мудрец Соломон изрёк: достойный сын – счастье для отца, а недостойный – несчастье для матери. Вот оно как, дорогой ты мой. Боль, причинённая твоим чадом, неисцелима, трудно её вынести. Отцу мнилось, будто он в лишениях растит сына, а на деле сидел у реки да сеял муку. Думаешь, горькие его слова подействовали на сына? Ничуть не бывало. Такое тоже случается. Бывает, один стоит тысячу, тысяча других и ломаного гроша не стоят. Иметь хорошего наследника и быть

хорошим наследником – это как удача выпадет. Со дня творения так повелось, так и впредь будет, умный от века страдал в руках неразумного. – Он залпом выпил коньяк. Выпил и поморщился. – Фу, клопами пахнет, – сказал он, встал и достал из буфета бутылку водки. – И как только люди пьют эту отраву? – покачал головой отец. – Ты пей коньяк, а я буду водку. Много-то я не пью, две-три рюмки. Стало быть, ты видел Гурунца, – вернулся он к прежней теме. – В Карабахе его именем клянутся. Скольких невинных спас он от тюрьмы, ты это знаешь? А тутовые сады? Напечатал несколько статей в «Известиях» и не допустил, чтоб азербайджанское правительство пустило их под топор, как позднее пустило под топор виноградники. Что за жизнь без шелковичного листа? Остановился бы Карабахский шёлковый комбинат и его филиалы в сёлах Хндзристан, Туми, Чанахчи и Каринтак. Сотни людей лишились бы работы. А тутовая ягода, свежая и сушёная, а дошаб, а животворная тутовка? Я вот думаю, это каким же бездушным надо быть, чтобы сесть и решить уничтожить эти тысячелетние сады, по сути дела – оставить обитателя этих краёв без средств к существованию. Собственно, у нас всякое решение неизменно било по простому человеку. Что на благо ему, то остаётся на бумаге, а что во вред – оно тут как тут.

– Полно тебе языком молоть, дай ребёнку поесть.

– А я что, мешаю? Пусть ест на здоровье. Мы беседуем. Стол накрывают не для того, чтобы ни о чём, помимо еды,

не думать, – растолковал отец. – Застолье – и для беседы. Что-то скажешь и что-то услышишь, чему-то научишь, а чему-то научишься. Едят все на свете – и лошадь, и корова, тем человек и отличается от скотины, что дан ему разум. И мысль, и речь, и умение слушать. И ещё он памятью наделён. А без этого он та же скотина. Бога ради, не мешай, не то как встану... – наигранно пригрозил отец.

– Услышал бы кто сторонний, решил бы – зверь-мужик, – засмеялась мама, с любовью глядя на отца. – А ведь сроду пальцем меня не тронул и слова худого не сказал.

– С чего бы мне буянить и браниться, – миролюбиво сказал отец, с улыбкой глядя на мать. – Ты же моя любимая понятливая жена и верный мой друг в любую пору, счастливую или тяжкую.

Польщённая мама с глубоким восхищением и нежностью посмотрела на отца, после перевела взгляд на меня и смущённо улыбнулась.

– Из признанных армянских писателей я видела только Сильву Капутикян – лет около тридцати назад, у нас в школе. Они пришли втроём – она, Баграт Улубабян и Саргис Абраамян. Молодая, красивая. А как она говорила, как читала стихи! У нас прямо мурашки по спине побежали. Она стала первым армянским писателем после Исаакяна, который приехал в Карабах. Исаакяна в сорок восьмом отвратительно приняли. Секретарь обкома Тигран Григорян, ишак ишаком, спросил: «У вас есть разрешение на посещение Караба-

ха?» Армянин, секретарь армянского обкома задаёт подобный вопрос великому армянскому поэту...

Отец оживился:

– Был случай, ты, может, не знаешь. В селе Талиш Исаакян поцеловал руку глубокой старухе с платком на голове. «За всю жизнь мне только двое руку целовали, – говорит старуха. – Ты да ещё бородач». Она имела в виду Раффи. Представляешь? А знаешь ли ты, что Зорайр Халафян тоже родом из этого села? – внезапно вспомнив, добавил отец. – Талантливый писатель, очень талантливый. Давненько уже я читал его вещи, но помню до сих пор отчётливо. Его герои – Степан, Антик, Нора, Васил. Абет, Унан и три его сына – как живые стоят у меня перед глазами. Эх, если б уметь так писать...

Отец налил себе водки, понюхал и отодвинул рюмку.

– Нет, не буду мешать одно с другим. Коли сын пьёт коньяк, и я буду коньяк. Как и положено, по-братски.

Я налил отцу коньяку. Он поднял бокал и произнёс:

– Иные полагают, будто жизнь, она долго тянется. Куда там! Это мир вечен, а жизнь коротка. Когда молод, чудится, что нет ей ни конца, ни краю, на самом-то деле не успеешь оглянуться, как она позади. Ошибёшься – пропал, исправить ошибку нету времени. Потому жить надо так, чтобы не допускать ошибок. Это, кто спорит, очень нелегко, но всё-таки надо стараться всегда быть чистым. Даже коли всё кругом заляпано грязью, постарайся быть справедливым.

Кровь из носу, но сделай так, чтобы на закате своих дней можно было сказать не кому-то, но самому себе: я прожил отмеренные мне сроки праведно, трудился в поте лица, зла никому не творил, ибо жизнь и впрямь даётся лишь однажды, второй жизни не бывать. И, в общем, неважно, коротка жизнь или длинна, Важно прожить её без ошибок. Жаль, что люди поздно это понимают, когда нет уже ни времени, ни возможности вернуться вспять. Господь заповедал Адаму добывать насущный хлеб в поте лица, забывать этого человек не должен. А что пришло к тебе по кривой дорожке, по той же дорожке и уйдёт. Библия, которую ты мне подарил, лежит в другой комнате, я постоянно её читаю. Самая древняя и самая мудрая из всех книг. Много чего я из неё почерпнул. Например, уподобимся воде, пролившейся на землю, а не песчинке, подхваченной ветром. Или: возлюбите друг друга. Между прочим, в Коране, священной книге мусульман, заповедано то же самое: любите ближних и живите с ними в мире и во благе, а не во зле и вражде. Вдумайся, до чего мудро... Будь здоров, сынок, да убережёт тебя Бог от бед и напастей. Для честного человека нет худшего оскорбления, чем несправедливо или злонамеренно обвинить его – ты, мол, нечестен. Пусть Бог всегда тебя наставляет на путь истинный, сынок, чтобы не наткаться на камни. Помни, счастлив тот, кто пропускает мимо ушей советы злопыхателей, не идёт за грешниками и не солидарен с преступниками, но делает добрые дела и радуется им. И сознаёт,

что завтра ему воздастся сторицей. Как сказано в Священном писании, такой человек подобен плодovому дереву, посаженному над потоком воды. На этом дереве зреют плоды, а листва не опадает. Такому человеку во всём будет сопутствовать удача. Твоё здоровье! Приезжай почаще, чтобы нам не тосковать подолгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.